

МОСКОВСКОЙ

ЖУРНАЛЪ.

Часть II.

Книжка первая.

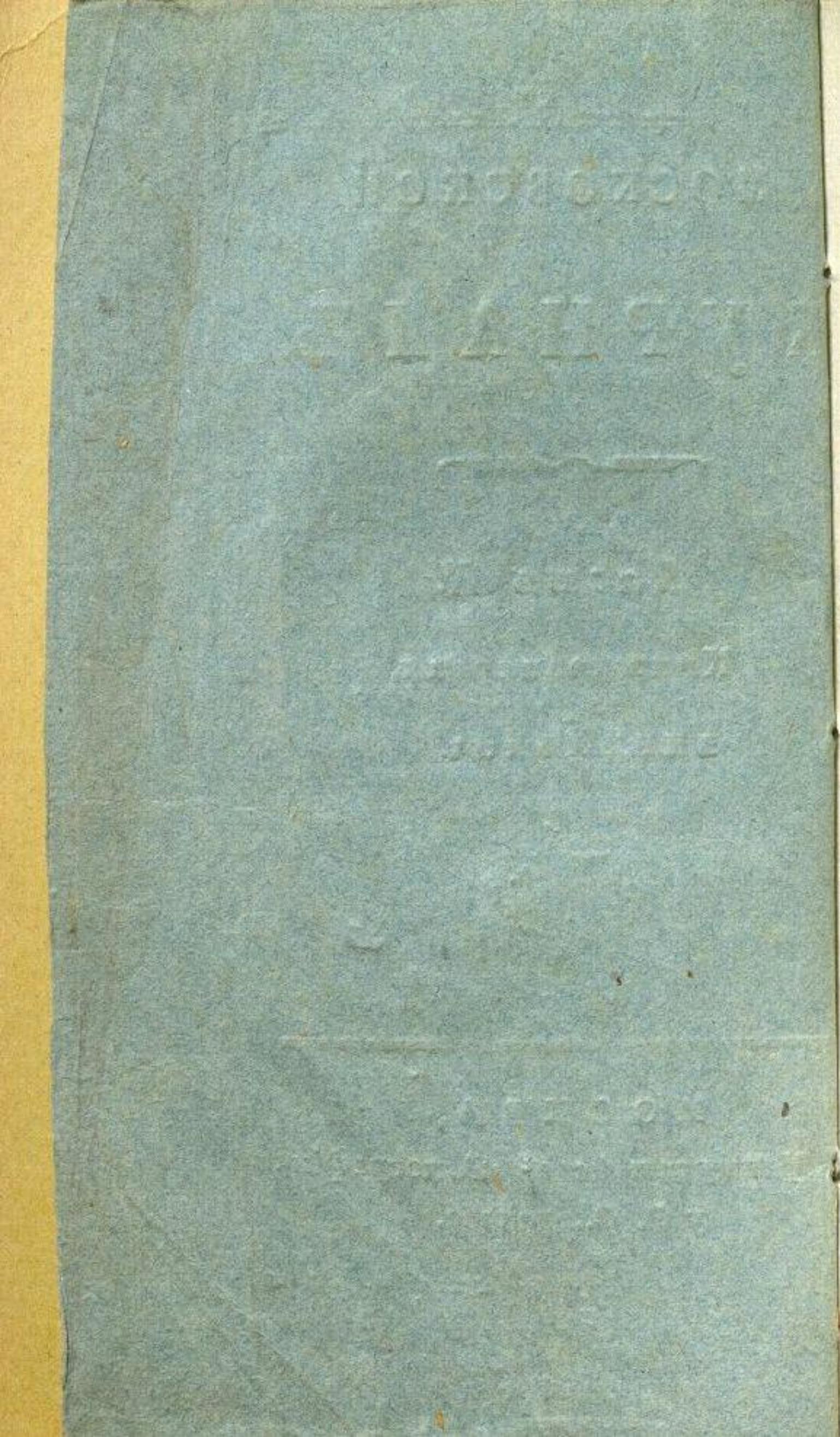
АПРѢЛЬ 1791.

МОСКВА,

Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

Подписка на сей Журналъ при
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ
Тверской, а въ другихъ городах
въ Почтѣ-Амтахъ. Весь годъ он
го стоишъ въ Москвѣ пять ру-
блей съ пересылкою семь. Кому
угодно будеиъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ ла-
вку, и того просимъ Издатель сооб-
щить при помѣтѣ свой адресъ, и в
шаковъ случаѣ ручаетсѧ за вѣрное
доставленіе Журнала.

53623

редакция
IPc 824

МОСКОВСКОЙ

ЖУРНАЛЪ.

44
1/11454
2

Pleasures are ever in our hands or eyes.

Роре.

Часть II.

МОСКАВА,

ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

1791 года.

регистр. № 3396

ОДОБРЕНИЕ.

По приказанию Императорского Московского Университета Господь Кураторовъ прочиталъ сию книгу, подъ заглавиемъ: Московской Журналъ, Часть II, и не нашелъ въ ней ничего противнаго настасленію, дакъному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Советникъ, Краснорѣчія Профессоръ, Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книги и Кавалеръ

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть вторая. Книжка первая.
Мѣсяцъ Апрѣль.

ОДА КЪ ЭВТЕРПЪ,

По слугаю пласки , бывшай на мызѣ
у Ивана Ивановита Шувалова ,
1789 года Августа 24 дnia.

Пой Эвтерпа дорогая ,
ъ спруны арфы ударяй ;
ы весна доколь младая ,
Пой , пляши и восклидай !
Аспочкой порхаетъ радость ;
рапко соловей поетъ ;
расома , пріятность , младость ,
Е увидишь , какъ проидетъ .

* * *

A 2

Бран-

Браннымъ шлемомъ покровенный,
Пусть своей Марсъ жертвы ждемъ;
Рано ль, поздно ль побѣжденный,
Голаѣ предъ нимъ падемъ;
Вскинетъ пусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочемъ, да отдастъ.

* * *

Пусть придворный суевий
За Фортуною своей!
Естьли быть ему случится
И наперсникомъ у ней,
Рано ль, поздно ль онъ наскучилъ
Кубариться кубаремъ.
Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ быть богатыремъ.

* * *

Время все перемѣняетъ.
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто зноино пробѣгаєтъ,
Травъ зеленыхъ вянѣтъ листъ;
Идетъ Осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды;

Красн

Красножелта ея ряса
Превратившися скоро въ льды.

* * *

Марсъ устанешъ — и любимецъ
Щастья возьмешъ свой покой.
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и Герой
Брякнушъ въ кольда золотыя,
И съ согласія отца
Бросиши взоры голубые,
А зажжешь ты ихъ сердца.

* * *

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспорилъ
О любви твоей къ себѣ;
Сына нѣги онъ поборилъ
И понравился тебѣ;
Гвоя качества любезны
Всей душею полюбя,
Эпершишь на щипъ желѣзный,
Энъ воздремлестъ у тебя.

* * *

Іой, Эвтерпа молодая!
Ірелестью своей плѣни!
Крѣпче Марса усыпляя,
Ромъ изъ рукъ его возьми!

Глава , браньми упомлениа ,
Къ персямъ склонитсѧ твоимъ ,
И должна тебъ вселенна
Будеиъ вѣкомъ золотымъ .

НАДЕЖДА и СТРАХЪ ,
Примѣтка.

Хотя Надежда ввѣкъ
Со Страхомъ не дружилась ,
Но часъ таکой пришекъ ,
Что мысль одна родилась ,
Какъ вѣтъ твой , такъ и вѣтъ другомъ
Какая жъ мысль смѣшиная !
Оставить свой небесной домъ ,
И на землю итиши пѣшкомъ ,
Узнать — кого ? — людей желая
Но боги вѣдь не мы : кому ихъ осужданы
Мы должны разсуждать ,
Умно ли дѣлаемъ , согласно ли съ зако-
номъ —
Не нужно ль напередъ зайти къ кому
съ поклономъ —
А имъ кого просить ? Все передъ ни-
ми прахъ
И таکъ Надежда захотѣла
И помчасъ полетѣла ;

Поползъ за ней и Страхъ.

Чего не дѣлаетъ охота!

Эни ужь на землѣ. Для первыя воропа
Вездѣ ошворены;

Всѣ съ радостью ее встрѣчають

И величаютъ,

Какъ будто имъ даны

Майорскіе чины.

Напротивъ же того ся сопутникъ бро-
дитъ,

И бѣдненькой нигдѣ квартирь не нахо-
дитъ.

,,,Постой же! Страхъ сказалъ: такъ
людямъ я на зло

,,,Нарочно къ тѣмъ ворвуся силой,

,,,Которымъ больше мой не нравенъ
видъ унылой.,,

Сказалъ, и сдѣлалъ такъ.

Чишатель еспѣли не дуракъ,

То вѣрно слѣдствій ждетъ чудесныхъ
Прихода сихъ гостей небесныхъ;

И не ошибся онъ.

Лишь только на землю они спустились,
Вдругъ состоянія людскія премѣнились:

Умолкъ нещастныхъ стоны;

Смиренія нищета впервыя улыбнулась,

Какъ будто уже къ ней Фортунъ
оглянулась въ

А изобиліе, упѣхъ жишейскихъ машынъ
Всечасно спало препешать.

Какая же тому причина?

Мнѣ сказывали ша, что случай, имѣ
судьбина —

Пускай послѣдняя — Надежду привела я
Къ искусну Химику въ убогую лачугу,

А спушника ея ко Плутусову другу,
И домъ заводчика въ постой ему дала.

И.

МИШЕНЬКЪ.

И такъ ты хочешь пѣсни,
Любезный, милый отрокъ?
Не всѣмъ пою я пѣсни,
И рѣдко, очень рѣдко
За арфу принимаюсь,
Въ моихъ весеннихъ лѣтахъ
Я пѣлъ забавы дѣствства,
Невинность и безопасность,
По томъ, въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ,
Я пѣлъ блаженство дружбы,

Съ

тъ любезнымъ Агапономъ
и въ воспоргѣ обнимаясь.

И пѣлъ хвалу Никандру,
когда онъ беззащитныи
былъ върною зашитой,
И добрыми дѣлами
Ди мало не хвалился.

И пѣлъ хвалу Наукамъ,
которыя намъ въ душу
Свѣтъ правды проливаютъ;
Акоторыя намъ служатъ
Зъ часъ горестный отрадой.

Гдѣ сѣжныя громады
Лучъ солнца погашаютъ;
Гдѣ мрачный, острый Шрекгориб (*)
Громъ, бури отражаетъ
И страшныя лавины (**)
Зъ долины низвергаешьъ:
Гамъ въ ужасъ я славилъ
Зеличіе Нашуры.
Зъ странахъ, гдѣ Эльба, Рейнъ
И Сона быстро мчашся

*) Одна изъ высочайшихъ горъ въ Швейцаріи.

**) Такъ называются въ Швейцаріи иучи снѣга,
натягивающіе съ горъ.

Межу бреговъ цвѣтушихъ,
Я иѣль Природы щедрость,
Пріятность, миловидность.
Теперь, любезный отрокъ,
Тебѣ пою я пѣсню.
Въ долинахъ мирныхъ, тихихъ,
За снѣжными горами,
Живетъ мудрецъ великой (*),
Кошорой научаешь,
Какъ можно въ нашихъ лицахъ
Всю душу нашу видѣть.
Не долго я учился,
Однако жь знаю нѣчто,
Чему мудрецъ сей учитъ.
Въ томъ день, какъ ты родился,
Природа улыбалась:
Твоя душа любезна,
Подобно сей улыбкѣ
Прекрасныя Природы.
Цвѣти, любезный отрокъ!
Любя добро всѣмъ сердцемъ,
Ты будешь щастливъ въ жизни;

Он

(*) Лафатеръ, известный въ ученомъ свѣтѣ
по своимъ физиономическимъ сочиненіямъ,

на подобна будеъ
ріятнѣйшей улыбкѣ
рекрасныя Природы.

Лондонъ, Іюня 11, 1790.

БЛАДПИСЬ КЪ СТАТУѢ ЮПИТЕРА.

(Переводѣ изѣ *Антологіи*.)

Или Юпітеръ самъ съ превыспрен-
нихъ круговъ

Хо смертнымъ нисходилъ, чтобъ об-
разъ имъ оставилъ

Достойнѣйшій Царя боговъ;

Иль Фидій, чтобъ черты представилъ
Имущаго перунъ въ рукахъ,
Самъ былъ на небесахъ

И.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА.

(Продолженіе.)

Берлинъ.

Послѣ обѣда былъ я въ гарни-
зонной церкви, и видѣлъ монументы
и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ
Клейстъ подлъ Шверина и Винтерфель-
да, любезной Клейстъ, безсмертной

пѣ-

пѣвецъ Весны, герой и патріотъ пр
Знаете ли вы конецъ его? Въ 1750
году, въ жаркомъ сраженіи при Кумердорфѣ, коммандовалъ онъ батареи
люнокъ, взялъ при батареи, полу
чили двѣнадцать контузий, и под
сильнымъ пушечнымъ огнемъ повелѣлъ
свою комманду прошивъ четвертого
батареи. У правой руки отстрѣлило
у него два пальца: онъ взялъ шпагу
въ лѣвую. Пулею пропорѣли ему
лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу ояпъ
въ правую руку. Въ самую ту ми
ну, какъ онъ уже гоповъ былъ
лѣзть на батарею, картечка раздро
била ему правую ногу. Онъ упалъ и
закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья не покиньте Короля!* Два раза хотѣлъ
онъ встать, но безъ силъ упадалъ
на землю. Его вынесли за фрунѣ.
Лекарь, хотѣвшій перевязать его ра
ны, былъ убитъ подлѣ него. Наѣха
ли козаки, раздѣли Клейста до нага,
ибросили его въ болото. Кто не
подивится тому, что онъ въсю ми
ну смѣялся отъ всего сердца надъ
стран

а пріпранною физіономією и ухвашками
Нѣдного козака, которой снималъ съ
їего плащъ? Наконецъ отъ слабо-
стіи заснулъ онъ такъ покойно, какъ
мы въ палашкѣ. Ночью нашли его на-
ши гусары, выпащили на сухое мѣ-
сто, положили подъ огнь на солому,
перекрыли плащемъ, надѣли ему на го-
рѣмову шляпу, и дали ему хлѣба съ
чайкою. Одинъ изъ нихъ хопѣлъ всу-
и сунь ему въ руку нѣсколько серебре-
сіыхъ денегъ; но какъ онъ не при-
нялъ сего подарка, то гусаръ съ до-
бядкою бросилъ ему деньги на плащъ,
аздѣ ускакалъ отъ него съ своими шова-
нищами. Поутру опять пріѣхали ко-
заки, и опятали у него все, что да-
ютъ ему добродушные гусары. Черезъ
нѣсколько часовъ увидѣлъ онъ нашего
офіцера, Барона Бульдберга, и ска-
залъ ему свое имя и чинъ. Баронъ
зашчасъ отправилъ его во Франк-
фуртъ. Тамъ перевязали ему раны,
онъ съ веселымъ видомъ разгово-
ривалъ съ Філософомъ Баумгарте-
номъ, нѣкоторыми Учеными и на-
ши-

шими Офицерами, которые посыпало
его. Черезъ нѣсколько дней умер
онъ съ твердостію Стоического Фа-
лософа. Всѣ наши Офицеры прису-
спововали при его погребеніи. Один
изъ нихъ, увидѣвъ, что у него в
гробѣ не было шпаги, положилъ свою
сказавъ: *У такого храброго Офицера
должна быть шпага.* — Клейстъ ест-
одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ.
Весна не была бы для меня така
прекрасна, если бы Томсонъ
Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ кра-
сотъ ея.

Іюля 2.

Нынѣ поушру прїѣхалъ сюда Ка-
роль съ своею гостьюю, Шпапгаль-
терщею. Не можеше вообразить, ка-
кая пышная была ей встрѣча. Во-
граждане поставлены были въ ружья.
Никакая сорочья стая не можетъ па-
песпритъся, какъ пестрился с
Фрунѣ. Офицеры отличали-
сь рядовыхъ только тѣмъ, что
нихъ косы привиты были гораз-
до круче. Въ ожиданіи Шпапгальпер-

послали они въѣмъ фруктами водку, такъ неосторожно, что некоторые спукались лбами. Капитаны ходили и увѣщавали своихъ согражданъ плахнуть на карауль масперски. И онечно, конечно! кричали они: мы не ударимъ себя лицемъ въ эязъ., Не льзя было не смытья эпому фарсу. — Купцы, вѣ въ расныхъ кафтанахъ, поѣ предводительствомъ одного банкира, выѣзжали спрѣчать Штапгальтершу за городъ. — И за то, что я посыпалъ надъ берлинскими гражданами, и взглянула Штапгальтершу и Пруссаго Колля, вымочилъ меня дождь. Теперь ачнутся здѣсь пиры и празднества; тамъ не будеши и свадьбы. — *Лу въ Театръ.*

Вѣ го тасовѣ ноги. Давно уже не былъ я такъ прѣяшно рас проганъ, акъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли *Граму Menschenhaß und Жене, геловѣко-енавидѣніе и раскалие*, сочиненную осподиномъ Коцебу, Ревельскимъ живелемъ. Баронъ Мейнау, человѣкъ лѣпѣ

льшъ въ тридцать, женился на пятымъ
надцатилѣтней Эйлаліи. Нѣсколько
лѣтъ живущъ они щастливо. Эйлако
лія починаетъ въ своемъ супруга
опытнаго и благоразумнаго человѣка
а онъ старается всѣмъ упрашать ею
и доспавлять ей всевозможныя удач
вольствія. Но вдругъ, по нѣкото
рому нещастному случаю, лишаєтъ
онъ половины своего имѣнія. Надле
жало ограничить расходы; а сїя нор
вая экономія не могла быть пріятна
молодой Эйлаліи. Въ сїе время одног
молодой человѣкъ, обязанной Барон
всѣмъ своимъ щастіемъ, вкрадываетъ
ся мало помалу къ ней въ сердце —
и чѣмъ же? Не опмѣнною красою
не опмѣннымъ разумомъ, не дѣро
дѣтелію; но угодная всѣмъ женскимъ
прихопиямъ, угадывая желанія ея при
самомъ ихъ зарожденіи, льстя еї
забавляя ее. Нѣшъ умѣренности и
склонностихъ юнаго женскаго сердца
Любовь къ сему молодому человѣку
уменьшаетъ въ Эйлаліи любовь къ супругу, и наконецъ такъ ослѣпляетъ ее

што она — забывъ добродѣтель, съ нею забывъ супруга и дѣшей. Двоихъ — уходитъ съ своимъ раз-
супрещеніемъ. Сей ударъ былъ со-
всѣмъ печальной для Мейнау. Изъ
шатачайїа оставляетъ онъ свой домъ,
и удалившисъ людей, бѣжитъ отъ нихъ и
нѣкое въ всякаго намѣренія странствуєтъ
шае земли въ землю. Между тѣмъ въ п-
ареной молодой человѣкъ, удовлетво-
ривши спроси своей, оставляетъ Эйла-
гую. Тутъ открываются глаза ея —
она чувствуетъ всю ужасность сво-
его состоянія, весь стыдъ и нещастіе
дворочной женщины. Наконецъ, подъ
менемъ Гжи. Миллеръ, идетъ она въ
правильницы въ домъ къ Графинѣ
Интерзее, и живетъ у нее въ дерев-
ни, во всегдашнемъ уединеніи и го-
дести. Едва осмѣливается она искать
въкомпраго ущенія въ тайныхъ
лагодѣяніяхъ. — Случай приводитъ
арона Мейнау въ сю деревню. Онъ
спасется тутъ на нѣкоторое время,
живетъ въ маленькомъ домикѣ въ кон-
це звѣринца, ходитъ по лѣсамъ, чи-
тающи

шаешь Циммерманову книгу *Образование ведущего*, и клянешь природу человеческую. Отсюда начинается Драма не — Графъ и Графиня Винперзее при Гре-
жжающъ въ деревню. Баронъ фонъ из-
деръ Горстъ, братъ Графиниѣ, приѣхавшій съ ними же, влюбляется въ Гже. Миллеръ, и открывается въ се-
томъ сестрѣ своей. Графиня любитъ свою управительницу, и будучи увѣ-
рена, что она не подлаго рода, не проявившися намѣренію брата своему
женившись на ней, и сама еще бе-
ретъ на себя говорить о томъ съ нею. Тутъ Эйлалія рѣшился, въ собр-
ственное свое наказаніе, разсказавъ
Графинѣ свою исторію. „Величайшаго
жертива, говоритъ она, какую испытав-
шое раскаяніе принести можетъ, со-
стоитъ въ томъ, чтобы добровольно
отказаться отъ почтенія любезныхъ
людей.“ Но Графиня обнимаетъ ее
и уверяетъ въ своей дружбѣ. — Мож-
ду тѣмъ Мейнау имѣлъ случай ок-
зать услугу Графу. Сей послѣдній
упад

и палъ съ мосту въ рѣку, и конечно
челы утонулъ, еспыли бы Мейнау
Дре бросился и не вытащилъ его.
Графъ посылаетъ своего шурина
дѣлать его къ себѣ въ гости. Ба-
ронъ фонъ деръ Горстъ находитъ
пустынникъ старинаго друга сво-
его, принуждастъ его разсказать ему
свою исторію со времени ихъ разлу-
ки, и, не смотря на оправдыванія, бе-
дѣ, ешь съ него слово пришти къ Графу.
Мейнау приходитъ, видитъ Эйлалію,
въ то же мигъ бросается назадъ
двери. Эйлалія падаетъ въ обмо-
къ — и тѣмъ кончина четвертое
действіе. Баронъ фонъ деръ Горстъ,
знавъ, что Эйлалія жена друга его,
сточитаетъ за должность стараешься о
хъ соединеніи. Эйлалія поручаетъ
ему просить супруга своего, чтобы
позволилъ ей пришти къ нему и
идѣть дѣшей своихъ. Мейнау не хо-
ешь сперва и слышать о томъ, что-
ы опять жить съ нею вмѣстѣ. „Жен-
щина, говоритъ онъ, которая одинъ
могла измѣнить своему мужу,

можетъ измѣнить и въ другой разъ
И что скажутъ обо мнѣ въ свѣтѣ
когда покажусь я съ мою бѣглою жа-
ною? Не станутъ ли указывать на
меня пальцами? „Наконецъ рѣшился
онъ въ послѣдній разъ видѣть Эй-
ллю, а по томъ хочетъ съ дѣтьми
своими (которыхъ посылаешь приве-
ти изъ города) удалившись въ тако-
мѣсто, гдѣ бы никогда уже не могъ
встрѣтиться съ своею невѣрною,
все еще любезною ему супругою. Эй-
лля приходитъ. Ничего не можетъ
быть прекраснѣе и трогательнѣе се-
сцены. Мейнау размягчается. „О! къ
кого Ангела развратилъ ты у меня
говоритъ онъ, представляя себѣ въ
мысляхъ соблазнишеля своей супруги.
Эйлля не проситъ у него прощенія
она почтаетъ себя недостойною па-
кого супруга — и въ ту минуту
какъ они хотятъ сказать другъ дру-
гу: *прости на вѣки!* вѣтгаютъ дѣти
бросаются целовать своихъ роди-
лей, и Мейнау, тронутой до глуби-
ны сердца, прощаетъ Эйллю;

ыданіемъ бросаешься она въ объятия
воего супруга, и занавѣсь закры-
ается. — Никакая пьеса не оставля-
ла во мнѣ такихъ сладкихъ впечатлѣ-
ній, какъ сїя. Не скажу, чтобы въ
ней не лъзя было ничего покришико-
вать — на прим. всякому странно
окажется, что Баронъ фонъ деръ
брорстъ, выслушавъ исторію своего
руга, проситъ его иппи свашашъ
а него Гжу. Миллеръ. Однако жъ въ
ней такъ много прогательного и пре-
раснаго, что зритель забываетъ кри-
тику. — Г. Флекъ играетъ роль
барона Мейнау съ такою напураль-
ностью, съ такимъ чувствомъ, что
каждое слово его до сердца доходитъ.
Ю крайней мѣрѣ я еще не видывалъ
такого Актера. Въ немъ видны и
еликія природныя дарованія и вели-
кое искусство. Коротко сказать,
не знаю, какъ можно лучше пред-
ставить Мизантропа съ добрымъ серд-
цемъ и оскорблennаго супруга, хотя-
даго ненавидѣть, но все еще любя-
даго свою виновную супругу. —

Гж. Унцельманъ представляетъ Эйлъ Актеръ очень прогащельно. ВЪ игрѣ ея обнагрируживается какая - то нѣжная торжественность, которая дѣлаетъ ее тѣмъ изящнашею для зрителя. Не льзя определить слезъ удержанья памъ, гдѣ она открывъ Графинѣ свое сердце, бросающейся къ ногамъ ея и говорящъ смѣяно: *Verstossen Sie mich nicht!* *Verstossen Sie mich nicht!* и гдѣ она приходитъ въ всегда проспившися съ супругомъ. — Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы такихъ Актеровъ, еспѣли бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Клингера, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторовъ, которые съ такою живописью представляютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, изображая, такъ сказать, всѣ опишилъ его нашуры, но отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румы, которыя человѣку съ чистымъ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспиръ читая Нѣмецкія Драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно игра-

Актеру, и какъ чпо произнеспи; но
при чтеніи Французскихъ Трагедій
редко могу представить себѣ, какъ
можно въ нихъ играть Актеру хоро-
шо, или на шурально, или такъ, что-
бы меня тронуть. — Вышедши изъ
Геапра, обтеръ я на крыльцѣ по-
лѣднюю сладкую слезу. Повѣрише ли,
рузья мои, что нынѣшній вечеръ
причисляю я къ щасливѣйшимъ вече-
рамъ моей жизни? И пусь теперѣ
оказываютъ мнѣ, что Изящныя На-
неки не имѣютъ влїянія на щастіе на-
нгое! Нѣтъ, я буду всегда благосло-
влять ихъ дѣйствіе, пока сердце бу-
детъ биться въ груди моей — пока
будетъ оно чувствительно!

Іюля 4.

Вчера поутру въ шесть часовъ
вѣхали мы съ Д* верхомъ въ Полс-
амъ. Пріятель мой, выѣхавъ изъ
города, тошчасъ далъ шиоры своему
коню и пустился рысью. И я было
за нимъ пришпорилъ, но на двадцати

шагахъ долженъ былъ остановить свою лошадь, почувствовавъ въ боку колеснику. Хотя товарищу моему крайнѣмъ хотѣлось догнать двухъ верховыхъ, которые передъ намиѣхали, однако жъ для меня поѣхалъ онъ шагомъ. — Ничего нѣтъ скучнѣе дороги отъ Берлина въ Потсдамъ. Вездѣ глуборѣкай песокъ, и никакихъ занимашемоныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видѣть Потсдама, а особенно живо *Санд-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ трактирѣ, не доѣдая до городскихъ воротъ. Отдохнувъ, и заказавъ обѣдъ, пошли мы въ городъ. У воротъ записали наши имена; однако жъ въ разсужденіи допрои съвѣтъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде. Покойной Король живя въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ прїѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, которое укрыто Римскими колоннадами, училасъ гардія: прекрасные люди, прекрасные мундиры! Видѣть дворца со сплошны сада очень хорошъ. Городъ въ общ

въ бѣше прекрасно выстроено; а особо устроивъ въ такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, некоторые построены отчасти по образцу, назцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ.

Бокойной Король на собственныя свои деньги спроилъ дома, и пошомъ да привилъ ихъ, кому хощълъ. Нынѣ сіи имаше громные зданія стоятъ пусты, или не посѣщаются солдатами. Жищелей очень мало. Причина сему та, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочла ему Шарлоттенбургъ. Не для того ли пропиленъ въ му Потсдамъ, что онъ, будучи Принцомъ, имѣлъ тамъ много неудобъльствий и досадъ? Вообразите, спрошу цѣлой домъ въ два этажа Кородишъ тамъ въ наемъ по пятидесяти рублей въ годъ; да и то никакъ не кому. На дверяхъ большихъ умовъ висятъ солдатскія сумы, камолки и проч. Коротко сказать, Потсдамъ похожъ на такой городъ, изъ котораго жители удалились, слышавъ о приближеніи непріятеля,

и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защищенья. Не може сѧ
ше представишь, какъ печаленъ сѧ видѣ пустоши.

Въ Потсдамѣ есть Русская деревня подъ надзираніемъ старого Ру-
скаго солдата, которой живетъ шайка со временъ царствованія Императрицы Аниы. Мы насилиу могли сыскать
его. Дряхлой старику сидѣлъ въ большихъ креслахъ, и услышавъ, что мы
Рускіе, протянулъ къ намъ руки, дрожащимъ голосомъ сказалъ: слава
Богу! слава Богу! Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Руски; но
мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять
почти каждое слово; а что мы съ-
ловарищемъ между собою говорили
того онъ никакъ не понималъ, и да-
же не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы го-
ворили по-Руски. „Видно, что у нас
на Руси языкъ очень перемѣнился“
сказалъ онъ: или я, можетъ быть
забываю его. „И то и другое пра-
да, озвѣчали мы. „Пойдемте въ це-

Божью, сказаъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хопя нынѣ и нѣтъ праздника., Старикъ наслуу могъ перевигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ , когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, перерываемое слабыми вздохами моимъ тихимъ голосомъ молящагося старца , которой по воскресеньямъ приходишъ шуда читашъ святѣшую изъ книгъ , приготавляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковныя утвари и книги хранятся въ сундуке. Отъ времени до времени старикъ перебираестъ ихъ съ молитвою. „Часто отъ всего сердца , сказаъ онъ , сокрушаюсь я о томъ , что по смерти моей , которая отъ меня конечно уже не далеко , не кому будетъ смотрѣть за церковью., — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ ; по томъ проспились съ почтеннымъ спарикомъ , и пожелали ему — покойной смерти.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ Сан-
Суси. Сей увеселительной замок
лежитъ на горѣ, откуда можно
дѣшь городъ со всѣми окрестностями,
что составляетъ весьма пріят-
ную картина. Здѣсь жилъ не Король
а Философъ Фридрихъ — не Спо-
мической и не Циникъ — но Фило-
софъ любившій удовольствія и умѣ-
шій находить ихъ въ Изящныхъ
Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ
соединить здѣсь проспекту съ велико-
лѣпіемъ. Домъ низокъ и малъ; но
взглянувъ на него, всякой назовешь
его прекраснымъ. Внутри комнаты
убрацы со вкусомъ и богато. Въ круг-
лой мраморной залѣ надобно удив-
ляться колоннамъ, живописи и пре-
красно набранному полу. Комнаты
гдѣ Король бесѣдовалъ съ мертвыхъ
и живыми Философами, убраны
кедровымъ деревомъ. Съ горы
срѣтой уступами (которые оди-
 другой закрываютъ, такъ, что взгл-
нувъ снизу вверхъ, видишь толь-
 одну зеленую гладкую гору) сош-

ы въ пріятной садѣ, украшенней
и зміраморными фигурами и группами.
Уожнѣдѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими
спінофольтерами и дѣ Алембертами. Гдѣ
были ты теперь? думалъ я. Сажень земли
Корнѣспила прахъ твой. Любезныя твои
не єста, для украшенія которыхъ при-
ду фывалъ ты лучшихъ художниковъ, тѣ-
я и уерь осиротѣли и пусты. — Изъ са-
мую прошли мы въ паркъ, гдѣ вспрѣ-
хощаешься глазамъ Японской домикъ на
своей споронѣ главной алеи; а далѣе,
прѣшедши черезъ каменной мостъ,
идиши на обѣихъ споронахъ прекрас-
ные храмики. Мы прошли къ новому
зуборцу, построенному покойнымъ
королемъ со всею царскою пышно-
стью. Внупренность еще великолѣп-
їе внѣшности; и дивясь богатству,
ршившаяся и вкусу, которой виденъ
ъ уборъ комнатъ. Болѣе шести мил-
ионовъ талеровъ стоилъ Королю сей
зуборецъ. — Правда, я былъ тутъ
въ такомъ расположени, въ какомъ
подобно размѣтривать пышные про-
изведенія искусства. Кровь моя вол-

новалась , голова болѣла , и я насилие
могъ ходить . Оставя дворецъ , по же з
ѣхали мы назадъ въ городъ , чтобъ не
отдохнуть нѣсколько въ шомъ траур
шарѣ , гдѣ мы обѣдали . Такимъ обра
зомъ , къ великому своему сожалѣнію
не видалъ я и карпинной галлереи въ
Санѣ - Суси .

День склонялся къ вечеру , и нали
добно было думашь о возвращенїи . Въ как
да съ виномъ освѣжила меня , и мы
попихоньку поѣхали назадъ въ Берли
нъ по Шарлоттенбургской дорогѣ .
Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ .
Товарищъ мой шутъ неѣжалъ ; но
всѣ увѣряли насъ , что намъ не мѣ
сбились съ дороги . Чѣмъ далѣеѣхалъ
я , тѣмъ хуже мнѣ становилось . Раз
шесть сходилъ я съ лошади и от
дыхалъ на травѣ . Ночь заспала насъ
въ большомъ лѣсу . Наконецъ я такъ
ослабѣлъ , что не могъ ниѣхать ни
ишли пѣшкомъ , и какъ полуумершій
лежалъ подъ деревомъ съ закрытыми
глазами . Въ лѣсу царствовала глу
бокая тишина . Товарищъ мой споял
подл

и подалъ меня, держа обѣихъ лошадей, и
зналъ, что со мною дѣлать. Надѣялся онъ вздумалъ было оспа-
тильть меня, искашь по близости ка-
кого нибудь селенія, нанять телѣ-
сажи и везши меня въ Берлинъ; но какъ
было мнѣ оспаться одному, ночью,
лѣсу и въ такой слабости? Естѣ-
ли бы въ семъ положеніи нашли меня
кто нибудь люди, что бы могли
и обо мнѣ подумать? Что бы мог-
ѣтъ сдѣлать со мною? Все мое имѣніе
ило со мною: и такъ естѣли бы
ограбили? Однимъ словомъ,
просилъ его, чтобы онъ не
ставлялъ меня. Такимъ образомъ
прошло около часа. По томъ я всталъ,
пожавъ руку у моего любезнаго, по-
чительнаго товарища, сказалъ ему,
что мнѣ лучше. Съ полверсты про-
шли мы пѣшкомъ, а по томъ сѣли на
лошадей. Смертельная жажда томила
меня, и за спасаніе воды отдалъ бы
половину своихъ червонцевъ. Шар-
пенбургъ былъ отъ насъ еще не
изко. Несколько разъ думали мы

видѣть его, подъѣзжали и видѣли —
льсъ и мрачъ. Наконецъ прѣѣхали въ
городъ; и съ жадносью, какой еще
никогда въ жизни своей не чувство-
валъ, лилъ я въ себя холодную воду.
До Берлина оставалась одна миля.
Мы ходѣлись какъ нибудь добраш-
ся до мѣста, и мы вѣхали въ алею
авѣринца. Луна вошла надъ нами
ясной свѣтѣ ея разливался по зелен-
листвѣвъ; тихой и чистой воздухъ
упитанъ былъ благовонными испаре-
ніями липъ. И я могъ жаловаться
въ сїи минуты — тогда, когда машины
Природы дышала ароматами вокругъ
меня? Сїя ночь, друзья мои, буде для
меня незабвенна. — Городскіе
ворота были уже запворены; одноко жъ насъ впустили.

Нынѣ поутру вспалъ я здоровъ
и бодръ, одѣлся и поѣхалъ къ Го-
сподину М**. Онъ повезъ меня въ
Формею, Секретарю Берлинской
Академіи, которой принялъ менѣ
очень учтиво. Сей спарикъ все-
еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ на-
писы

исьмо, полученное имъ изъ П* отъ
воего родственника, которой вся-
ую недѣлю пишетъ къ нему, и не
зада я бумаги. Не повѣрише, съ ка-
имъ удовольствіемъ я все это чи-
таю!,, сказалъ онъ. — Г. Формей
ылъ знакомъ съ Вольтеромъ, и раз-
казывалъ намъ нѣкоторые анекдоты
асапельно до его пребыванія въ
Берлинѣ. — Въ слѣдующій четвер-
покъ будеши собраніе въ Берлинской
Академіи, въ которое угодно было
осподину Формею пригласить меня.
По томъ поѣхали мы къ зятю его,
Господину М*, Профессору, содер-
кашлю большаго пенсіона и также
Длену Академіи. Онъ показывалъ намъ
минеральной кабинетъ и библіотеку
естры покойнаго Кероля, состоящую
изъ Французскихъ, Англійскихъ, Испа-
нскихъ и Нѣмецкихъ книгъ —
философическихъ, историческихъ и
литературныхъ. — Послѣ обѣда имѣлъ
честь быть представлень Графу
Н*, которому угодно было спросить
меня о планѣ моего путешествія.

В

у

У него былъ К. Р*, которой такжे удо-
стоилъ меня вопросовъ двухъ. —
Возвратясь домой, написалъ я нѣсколь-
ко строкъ къ вамъ, друзья мои, и
пошелъ въ Оперу. Оперной домъ ве-
ликъ и очень хорошъ. Тутъ видѣлъ
я всю Королевскую фамилію и Шпаш-
тальпершу съ дочерью. Играли Опе-
ру Медею, въ которой пѣла Тоди.
Я слышалъ сюю славную пѣвицу еш-
ть Москвѣ, и скажу — можетъ быш-
къ стыду своему — что ея пѣніе
мало трогаетъ мое сердце. Для ме-
ня не очень пріятно видѣть напри-
женіе, съ которымъ она поетъ. Впро-
чемъ, будучи только любителемъ му-
зыки, не могу цѣнить искусства еї.
Что принадлежитъ до декорацій, то
онъ были великолѣпны. — ВЪ пар-
терѣ было такъ тѣсно и жарко, чт-
и насилиу могъ дождаться конца Опера-

Іюля 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамлер
Нѣмецкаго Горадія. Самой почтеннѣ-

Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ Ему, почитаются у насъ классическими. Ему, казалось, было пріятно, что и въ Россіи читаютъ его стихи и знаютъ ихъ дѣну. Рамлеръ написался духомъ древнихъ, а особенно Латинскихъ Поэтовъ. Въ Одахъ его есть испинные воспорги, высокое пленіе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ чужіе воспорги, и, такъ сказать, заимствуетъ огонь у Горація или какого нибудь другаго древнаго Поэта — правда, всегда искусственнымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ въ Поззіи. Въ новыхъ его пѣсахъ нѣдoubtedly удивляясь круглоспир, чистотѣ и гармонїи, т. е. искусству его въ механизмѣ Поззіи, или въ собственномъ спихотворствѣ; но въ нихъ нѣтъ уже пітическаго жара, которою всегда съ лѣпами проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чувствуетъ, и по тому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его упражненіе съ нѣкотораго времени состоится въ переводахъ

Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ по-
чти всегда соблюдастъ онъ мѣру ori-
гинала. Сїи пїесы, печатаемыя въ
Берлинскомъ Журналѣ, могутъ слу-
жить примѣромъ въ искусствѣ пере-
водить. „Теперь, сказалъ онъ мнѣ,
принялся я за Марціала. Только не-
многїя изъ его пїесъ были до сего
времени переведены на Нѣмецкой.
Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя,
не упоминая Марціалова имени. „—
Еще при жизни Геснеровой началъ онъ
перекладывать въ стихи его Идиліи.
„Я подражаю Сократу — писалъ онъ
къ Автору, своему другу — которою
въ старости своей перелагалъ въ
стихи Езоповы басни.,, Искусные кри-
тика не довольны симъ трудомъ его.
Легкость и простира Геснерова язы-
ка, говорятъ они, пропадаетъ въ
экзамепрахъ. Къ тому же въ Идил-
ліяхъ Швейцарского Теокриста еш-
какая-то гармонія, которая не успѣ-
ла пойти гармоніи стиховъ. Но Рамлер
думаетъ, и мнѣ сказалъ, что Геснер
и Идилліи были только по плому не-

совершены , что Авторъ писалъ
ихъ не экземплярами . — Стихи
свои еще въ рукописи читаетъ онъ
одной госпожѣ , своей пріятелице ,
которая , не будучи ученовою , имѣетъ
природное нѣжное чувство изящнаго .
„Иногда , сказалъ онъ мнѣ , я пропиво-
рѣчу ей , когда она находитъ что ни-
будь пропивное въ моихъ пѣсахъ .
Говорите , что хотите , отвѣчаетъ
она : я не могу опровергать васъ , но
остаюсь при своемъ чувствѣ . Нако-
нецъ , подумавъ хорошенько , нахожу ,
что она права , и винюсь передъ нею .,,
Мнѣ шутъ пришла на мысль Аспазія ,
которой Аѳинскіе пѣвцы отдавали
на судъ свои сочиненія ; ушамъ ея
вѣрили они болѣе , нежели своимъ —
и я думаю , что женщины вообще мо-
гутъ чувствовать красоты Поззіи
живѣ , нежели мушки . — Рамлеръ
возспасть прошивъ Греческихъ мифо-
логическихъ именъ , которые Графъ
Штолбергъ , Фосъ и другие удержи-
вали въ своихъ переводахъ . Мы уже
привыкли къ Лапинскимъ , говорить

онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любитъ Театръ, и все, чѣмъ я слышалъ отъ него объ искусствѣ представлѣнія, мнѣ очень полюбилось. Славной Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствовать для того, чтобы хорошо играть; еспѣли не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мишикѣ тоже говоритъ: но Рамлеръ думаетъ прошивное и, кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсе. „Вейсе лучшій другъ мой, сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на спѣнѣ портретъ его. — Наконецъ я проспился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ пынѣшнему Королю, или, лучше сказать, канцлеру, выбранной изъ псальмовъ. — Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ; говоритъ пропляжно и отборно.

Отъ него прошелъ я въ Театръ. Представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Несчастная любовь Принца къ его мачихѣ Елизавѣтѣ,

нась бѣ оторая прежде была его невѣстою; любовь содеряніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о кото-
рому Испоря говоритъ столько и
будаго и добра; которой, подъ пред-
штуромъ испребленія ереси, столько
крови человѣческой; кото-
рой, услышавъ о погибели флота сво-
го, разсѣяннаго вѣтромъ и разби-
лаго Англичанами, равнодушно ска-
залъ: Я послалъ его противъ Англи-
ианъ, а не противъ вѣтровъ: буди
воля Божія! и сіе нещастіе перенесъ
швердостію Героя — сей ха-
рактеръ изображенъ весьма искусно.
Благородной и пылкой вѣ спрастяхъ
воихъ Донъ Карлосъ прогаетъ зри-
тель до глубины сердца. Благоразум-
ной и великодушной Маркизъ Поза,
ругъ Принцовъ, пробуждающій въ
немъ ревность къ добродѣтели и къ
еликимъ дѣламъ, которую усыпила
было въ немъ нещастная спрастъ,
представленъ Авторомъ въ примѣръ
испинско великаго мужа. Есть пре-

прогательных и ужасных сцены. — ^{Бывало} Короля игралъ Флекъ, и я еще бо́льше увѣрился въ томъ, что онъ великий Актёръ. Маштаушъ, молодой Актёръ, представлявший Донъ Карлоса, весьма хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою. Что принадлежитъ роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень деревянно. Ему гораздо напуральнѣе представлять въ *Menschenhaf und Keine* спартанского Генерала, копорой отъ скучи мухъ бѣтъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Ролю Королевы играла очень слабо какая-то молодая Актриса ^{Франц.} Тж. Унцельманъ весьма прогательно представляла молодую Принцессу, ^{Изъ}любленную въ Принца. — Сія Трагедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныхъ выраженія (такъ какъ

какъ и у самаго Шекспира), которыя
хотя и показываютъ остроуміе Авто-
ра, однако жъ въ Драмѣ не уместа.

Берлинъ, Іюля 6.

Веди меня къ Морицу, сказалъ
нынѣ поупру наемному своему ла-
кою. „А кто это? Морицъ? „ —
Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ,
Философъ, Педагогъ, Психологъ —
— „Постойте, постойте! Вы мнѣ
много рассказали; надобно поискать
его въ календарь подъ какимъ нибудь
однимъ именемъ. И такъ (*вынувъ изъ
кармана книгу*) и такъ онъ Фило-
софъ, говорите вы? Посмотримъ.,
— Простодушіе сего доброго чело-
вѣка, которой съ важностю перево-
рачивалъ листы въ своемъ всезаклю-
чающемъ календарь, и непремѣнно хо-
телъ найти въ немъ роспись Фило-
софовъ, заставило меня смеяться.
Посмотри его лучше между Профес-
сорами — сказалъ я — пока еще
число любителей мудрости не извѣ-

спло въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ*, живетъ въ — — „Пойдемъ же къ нему..“

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его *Anton Reiser* весьма интересную психологическую книгу, въ которой описывается онъ собственныя свои приключенія, мысли и чувства, и развитіе душевныхъ своихъ способностей. *Confessions de J. J. Rousseau*, *Stilling's Jugendgeschichte* и *Anton Reiser* предпочитаю я всѣмъ систематическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужиться на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ Профессорского дохода своего нѣсколько луидоровъ,ѣздилъ въ Англію, а по томъ въ Италію, собираясь новыхъ идеи и новыхъ чувствъ. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе первого путешествія его, кошорое издалъ онъ

подъ

Съѣздѣши пимпуломъ Reisen eines Deutschen
въ England, читалъ я съ великимъ
довольствіемъ. О путешесствіи его
въ Италіи, откуда онъ недавно возв
ратился, Нѣмецкая Публика еще ни
чего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не
знаю, по чому — человѣкомъ лѣтъ
сорокъ; но какъ же удивился, на
видѣши въ немъ еще молодаго чело
вѣка лѣтъ въ тридцать, съ румя
нисмъ и свѣжимъ лицемъ! „Вы еще
сѣкъ молоды, сказалъ я, а успѣли
уже написать столько прекраснаго! „
Прѣ только что улыбнулся. — Я
не пробылъ у него часъ, въ которой
онъ перебрали довольно разныхъ ма
терій.

„Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ
птишесствовать, говоритъ Морицъ.
Все идеи, которыя мы получаемъ
изъ книгъ, можно назвать мертвыми
въ сравненіи съ идеями очевидца. —
Хотѣло видѣть просвѣщенной на
родъ, которой посредствомъ своего
зрѣдолябія дошелъ до высочайшей
спе-

степени утонченности въ жизни
тому надобноѣхать въ Англию; къ из-
хоченіе имѣть надлежащее понятіе
Древнихъ, чтобъ долженъ видѣть Испо-
ллю. — Онъ спрашивалъ меня о въ-
шемъ языке, о нашей Литтературѣ.
Я долженъ былъ прочесть ему
сколько стиховъ разной мѣры, ко-
рыхъ гармонія показалась ему довольно
по пріятною. „Можетъ быть приедешъ
такое время, сказалъ онъ, въ ко-
рое мы будемъ учиться и Рус-
му языку; но для этого надобно
написать что нибудь превосходное.
Тутъ невольной вздохъ вылетѣлъ
меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ язы-
камъ предпочаетъ онъ Нѣмецкому,
говоря, что ни въ кошоромъ
оныхъ нѣтъ столько значительныхъ
словъ, какъ въ семъ послѣднемъ.
Надобно сказать, что Морицъ есть
одинъ изъ первыхъ знакомокъ Нѣме-
ского языка, и что можетъ быть
что еще не разбиралъ его такъ фи-
лософически, какъ онъ. Весьма лю-
бопытны небольшія его піесы *Leben*

въ праѣ въ psychological Rücksicht, ко-
и кѣрыя сообщаєтъ онъ въ своемъ
психологическомъ Магазинѣ. — „Намъ
должно всегда соединенными силами
искать истины, говоритъ онъ: она
изрываєтъ съ уединенаго искате-
лья, и утомленной Философъ часто
занимаетъ призракъ истины за су-
щество ея., — Морицъ въ ссорѣ съ
Фрампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педаго-
гомъ, которой публично въ Вѣдомо-
стяхъ разругалъ его за то, что онъ
ушелъ изъ связи съ нимъ, и не за-
хотѣлъ болѣе печатать своихъ сочи-
нений въ его типографіи. „Я хотѣлъ
пѣвать ему въ шакомъ же тонѣ,
назалъ Морицъ, и написалъ было уже
две; однако жь одумался, бро-
шилъ въ огонь написанное, и хладно-
кровно предложилъ Публикѣ свое оправ-
дание. „Странныя вы люди! думалъ
вамъ не льзя ужиться въ мири.
быть почти ни одного извѣстнаго
шпора въ Германіи, которой бы съ
нимъ нибудь не имѣлъ публичной
шоры, и Публика читаетъ съ удо-

въльствіемъ бранныя ихъ сочиненія
— Adieu, Г. Профессоръ! —

По томъ хотѣлъ было я видѣть Мартеля, сочинителя *Свѣтскаго Философіи Мимики*, но къ сожалѣнію не заспалъ дома. Послѣ обѣда былъ я на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ надо было удивляться искусству рукъ человѣческихъ.

Въ Театрѣ представляли пьесу про Шредерову *Familiengemahlsde* — пьесу, которая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть отъ того, что ее худо играли и Оперу *Дса охотника*. Въ послѣднѣй пьесѣ роль девки молошницы играла Актриса, которая въ Донѣ Камбасѣ предстavляла Королеву: камбасѣ превращеніе! Однако жь девку молошницу играетъ она напуральне, жели Королеву.

Берлинъ, Іюлъ 7.

Нравственность здѣшнихъ жите-
ли прославлена отчасти съ худой сто-
роны. Г. Ц*** называетъ Берлинъ
засѣдомъ и Гоморомъ; однако жь Бер-
линъ еще не провалился, и Небесной
землѣ не превращаетъ его въ пепель.
Есть самой дѣлѣ Г. Ц***, писавъ сїе,
чтобы было, что во всѣхъ семьяхъ быва-
ютъ уроды, и что по симъ уродамъ
дѣлья заключать о всей семье. Му-
жчино и людямъ счищаться между со-
семью въ добродѣтеляхъ или порокахъ,
городамъ еще мудренѣе. — Однимъ
ловомъ, естѣли бы Г. Лейбъ-Ме-
нгель и Кавалеръ былъ непристра-
пленъ; естѣли бы *кѣкоторыя* люди
Берлинъ не зацѣпили его за живое,
бы онъ конечно не заговорилъ
акимъ не-философскимъ, мизантро-
пическимъ и для Космополита и Фи-
ннтропа оскорбительнымъ языкомъ.

Говорятъ, что въ Берлинѣ мно-
распутныхъ женщинъ; но естѣли
Правительство не терпѣло ихъ,
было бы, можетъ быть, болѣе
рас-

распустша въ семействахъ — имелось надлежало бы выслать изъ Берлина тысячи солдатъ, это множество холостыхъ, праздныхъ людей, которые конечно не по Русской системѣ воспитаны, и которые по своему состоянію не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ развращенные Берлинскія Вакханки какъ фури бросились на одного нещастнаго Орфея, которой уединенно гулялъ въ темнотѣ алей; отняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, еспѣли бы подошедшая люди не принудили сихъ презрѣнныхъ поваровъ разбѣжаться. Но еспѣли бы разсказали мнѣ и тысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анекдотъ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорятъ, что они трудолюбивы, что самыя богатыя и знатныя люди не распортаютъ денегъ на суевирии, роскошь, и соблюдаютъ строгую экономию.

экономію въ сполѣ, платье, экипажъ, и проч. Я видѣлъ спарика Ф***, бѣзъ ушаго верхомъ на такой лошади, на которой бы, можетъ быть, и я поспыдалсяѣхать по городу, и въ такомъ кафтанѣ, которой сшилъ конечно въ первой половинѣ текущаго сполѣнія. Нынѣшній Король живетъ пышнѣе своего предшественника; однако жъ окружающіе его держатся по большей части спарини. — Въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ много хорошо одѣтыхъ молодыхъ людей; уборъ Дамъ виденъ вкусъ.

Берлинъ, Іюля 8.

Если бы изъ національной брамы можно было заключать о національномъ характерѣ, то бы изъ *Joseph Roth* (*), любимой Нѣмецкой брами, пушеспивенникъ заключилъ, что въ Нѣмцахъ много желчи; но что тогда должно было заключить изъ любимой брами нашего народа? То,

Г

что

* Т. е. падучая болѣзнь.

что мы очень сердиты на богиню
Киприду.

Здѣсь стоять на улицахъ нае-
ныхъ кареты, такъ какъ у насъ изво-
зчики дрожки или сани. За восемь
прошѣй — что по нынѣшнему курсу
составитъ 40 копѣекъ — можно
ѣхать въ городъ куда угодно, толь-
ко въ одно мѣсто. Карета и лоша-
ди очень изрядны.

Справедливо говорятъ, что пур-
шесственнику надобно всегда оспаивали-
ваться въ первыхъ практирахъ, не
только для лучшей услуги, но и для са-
мой экономіи. Тамъ есть всему опредѣ-
ленная цѣна, и лишняго уже ни съ кого
не пошребуютъ; а въ худыхъ практи-
рахъ стараются взять съ васъ какъ
можно болѣе, еспѣли примѣтили
что въ кошелькѣ вашемъ есть золо-
то. У Г. Блума плачу я за обѣдъ,
которой состоится изъ четырехъ
блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15
коп., а за компанию въ день 50 коп.
Наемной лакей всегда благодарилъ ме-

я, когда я давалъ ему въ день по полтишѣ.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга до Берлина стоитъ мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На ^вординарной почтѣ плашаю за милю ^и грошей или 30 копѣекъ; сверхъ ^и того надобно давать пошлионамъ на вино.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ
мѣсяцѣ.)

МАРИЯ (*).

Переводъ съ Англійскаго.

Какая прекрасная мелодія! сказалъ, и потчасъ опустилъ переднее стѣночко,

Г 2

КЛО,

Опрывокъ изъ Тристрама Шанди, сочиненія Англичанина Стерна, оригинального, неподражаемаго, чувствительнаго, доброго, остроумнаго, любезнаго Стерна. — Въ путешесствіи своемъ по Франціи онъ подлинно видѣлъ сию нещастную Марию, жертву чувствительности и любви. Издатель въ сѧдующемъ мѣсяцѣ сообщитъ и то, что Авторъ говоритъ объ ней въ другомъ своемъ сочиненіи, *Sentimental Journey*. — К.

кло, чтобы лучше слушать ее. — Эта Мария, сказал поспиллонь, примѣя, что я слушаю. Бѣдная Марія, продолжалъ онъ (наклонясь на спорону, чтобы я могъ видѣть ее, ибо она была въ прямой линіи противъ насъ) сидитъ на правъ съ маденькою своею козочкою, и играетъ на свирѣли вечернія молитвы.

Молодой поспиллонь произнесъ сіи слова такимъ трогательнымъ голосомъ и съ такимъ жалкимъ видомъ, что я въ ту же минуту обѣщался дать ему двадцать четыре су по приѣздѣ въ Мулень.

А кто эта бѣдная Марія? спросилъ я. — Предметъ любви и сожалѣнія всѣхъ окружныхъ деревень, отвѣчалъ поспиллонь. Какою прекрасною, умною и милою девушкою была она за три года передъ эпімъ! Ей ли бы, казалось, не быть щасливою! Но приходской Священникъ присками своими не далъ совершилось ея свадьбѣ — вышло запрещеніе, и бѣдная наконецъ помѣшалась.

Между тѣмъ мы вхали, а Марія, немного опдохнувъ, опять приложила свирѣль къ губамъ своимъ, и заиграла ту же мелодію, но только въ десять разъ трогательнѣе. Это вечерняя пѣснь Богоматери, сказала молодой постиллонъ; а кто ее выдумалъ играть, и какъ ей доспалась эта свирѣль, Господь знаетъ. Мы право думаемъ, что самъ Богъ послалъ ей это упышеніе. Съ того времени, какъ она помѣшалась въ умѣ, нѣтъ у нее другой отрады; она изъ рукъ не выпускаетъ своей свирѣли, и беспрестанно играетъ на ней эту священную пѣснь.

Постиллонъ говорилъ сїе съ такимъ скромнымъ видомъ и съ такимъ напуральнымъ краснорѣчіемъ, что я примѣтилъ въ лицѣ его нечто превышающее его состояніе, и попросилъ бы его разсказать мнѣ собственную свою исторію, если бы бѣдная Марія не совершенно овладѣла моимъ душою.

Мы подъехали къ самому тому
месту, гдѣ сидѣла Марія. На ней
былъ тонкой бѣлой корсетъ. Голов-
нымъ уборомъ служила ей шелковая
сѣточка, въ которую были подобра-
ны ея волосы (кромѣ двухъ выну-
щенныхъ локоновъ) и вплетены съ од-
ной стороны оливковые листочки.
Она была прекрасна; и если я въ
эту минуту не чувствовалъ живо-
соспрадательной любви, то въ серд-
це моемъ конечно никогда не бывалъ
сего чувства.

Исцѣли ее, Боже! сказалъ постри-
гленій: болѣе ста молебновъ служили
объ ней въ разныхъ приходскихъ цер-
квахъ и монастыряхъ, только все по-
напрасну. Временемъ приходилъ онъ
въ себя, и по тому мы все еще не
дѣемся, что пресвятая Богоматерь
наконецъ и совершенно приведетъ ее
въ разумъ; только родственники съ
которые конечно знаютъ ее лучше
нашего, совсѣмъ въ этомъ отчаялись
и думаютъ, что она на вѣкъ оспи-
нется безъ ума.

Въ по время, какъ поспиллонъ говорилъ сіе, Марія заиграла такъ печально, такъ прогащельно и жалко, что я выскочилъ изъ коляски и очутился сидящимъ между ею и козой ея, прежде нежели могъ приткніи въ себя ошъ своего воспорга.

Марія томно посмотрѣла на меня, по шомъ на свою козу, по шомъ опять на меня и опять на свою козу.

Какое же сходство находишь ты, Марія, между нами? сказалъ я тихимъ голосомъ.

Здѣсь прошу добродушнаго читателя повѣриить мнѣ, что вопросъ сей сдѣлалъ я отъ смиреннаго увѣренія въ сходствѣ человѣка съ безсловеснымъ животнымъ; и что я не хотѣлъ бы употребить непристойной шушки въ почтенномъ присутствіи бѣдности, если бы черезъ нее могъ прослыть и первымъ оспрѣакомъ въ свѣтѣ. Однако жь собственное мое сердце билось, и одна мысль о семъ была для менѧ такъ мучительна, что я клялся освящиши себя мудrostи, до самой

смерти не говоришь ничего, кроме важного, и никогда, никогда уже не шутить съ близкими своими, какъ бы еще ни дологъ былъ день моей жизни.

Проспи, Марія! проспи, несчастная Марія! Когда нибудь — только не теперь — могу я слышать изъ собственныхъ успѣшъ твоихъ горестную испортю твоей жизни. Однако жъ я обманулся; ибо она въ ту же минуту взяла свою свирѣль, и рассказала мнѣ на ней такую печальную повѣсть, что я вскочилъ, и неровными и беспорядочными шагами тихо пошелъ къ своей коляскѣ.

СМѢТЬ (*).

1. Извѣстія, публикованныя о любопытномъ опытѣ Доктора Гарвуда, Профессора Анатоміи въ Кембридѣ, были не весьма доспѣвѣрны. Мы имѣли случай узнать всѣ обстоятельства

(*) Подъ симъ штухомъ Издатель будеъ сообщать разные анекдоты изъ иностраннѣыхъ Журналовъ. — К.

спва сего опыта отъ одного очевида, и почитаемъ за удовольствие сообщить оныхъ нашимъ читателямъ. — Въ прошедшемъ Марѣ мѣсяцѣ Г. Гарвудъ, преподавая лекціи о *сравнительной Анатоміи*, и сравнивая человѣческую кровь съ кровью другихъ животныхъ, имѣлъ случай замѣтить, сколь мало различія находится въ крови звѣрей разныхъ родовъ и видовъ, хотя одни питаются животною, а другія растительною пищею. Изъ сего естественно заключалъ онъ, что одно животное можетъ жить кровью другаго, совсѣмъ отличнаго рода, если бы сю кровь можно было безъ опасности впустить въ его систему. Онъ предложилъ испорю разныхъ несовершенныхъ опытовъ въ *перелитии крови*, кошорые были дѣланы около средины послѣдняго вѣка Оксфордскимъ Докторомъ Лоэромъ и другими, и которыхъ дальнѣйшему успѣху воспрепятствовали суевѣрныя предразсужденія прошолюдиновъ. Лекцію свою заключилъ онъ сообщеніемъ соб-

ственныхъ своихъ любопытныхъ опи-
товъ въ *перелитии*, которые съ успѣ-
хомъ дѣлалъ онъ надъ разными жи-
вотными, наибольѣе различными въ
разсужденіи пищи и образа жизни.
Изо всего предложенаго выводимъ
онъ, что въ тѣхъ случаяхъ, въ ко-
торыхъ смерть должна быть неизѣ-
бѣжнымъ слѣдствиемъ великаго изли-
нія крови человѣческой, надобно на-
конецъ прибѣгнуть къ *перелитию*,
что кровь теленка, овцы, оленя и
другаго изъ совершенійшихъ живот-
ныхъ, можетъ опять наполнить испо-
щеннную систему человѣка, и пре-
упредить конечное разрушеніе. Чтобы
подтвердить вѣроятность своего уче-
нія, велѣлъ онъ принести овцу и под-
ружейную собаку; и выпустивъ изъ
послѣдней столько крови, что она про-
шпинулась безъ всякаго движенія, кромѣ
конвульсій, которыхъ обыкновенно бы-
ютъ непосредственно передъ смертіемъ,
заялъ онъ приготовленную для се-
трубочку, и пустилъ черезъ нее кро-
изъ шейной жилы овцы въ шейну.

жилу собаки. Черезъ нѣсколько се-
ундъ собака спала видимо оживать.
Операција продолжалась нѣсколько ми-
нутъ, до того, какъ овца опъ по-
пери крови лишилась чувствъ. Послѣ
его жилу у собаки залечили, и она
и слугою пошла домой, та въ
попѣ же день, и по сїе время жи-
ла, не перемѣнясь ни въ чёмъ. —
Многіе Анапомисты представляли
прописъ сего опыта трудность не
пускать въ кровь сколько нибудь
атмосферического воздуха, которой
можетъ быть нагубенъ для живот-
наго; но прежде нежели конецъ пру-
бочки будешъ впущенъ въ жилу ожив-
ляемаго звѣря, надобно, чтобы кровь
изъ другаго животнаго текла уже въ
ней ручьемъ — по чemu воздухъ прои-
ти туда и не можетъ. — Изъ Вгі-
ш Mercury No. 1. Jan. I. 1791.

2. Давно уже говорятъ, что неща-
сіе и бѣдность почти всегда неразлуч-
ны съ великими дарованіями, и беспокой-
ные обстоятельства, въ которыхъ мно-
гие Писатели сочиняли лучшія свои
пі.

иессы, служащъ доказательствомъ той
власти, кошорую душа человѣческая
имѣетъ надъ вѣнчаною спію. Намъ
не нужно ходить за примѣрами
къ Драйденамъ и Опвеямъ послѣд-
няго вѣка, найдемъ ихъ довольно
и поближе къ нашимъ временамъ. Кто
не знаетъ бѣдности, въ которой боль-
шею частію жилъ Докторъ Джонсонъ
(*) во время своего авторства, бу-
дучи рабомъ книгопродавцевъ, и по-
лучая за всѣ свои пруды такую пла-
му, которой ему едва на пищу спа-
новилось? Многія изъ раннихъ его
сочиненій были писаны на чердакѣ.
Въ письмахъ къ книгопродавцамъ
часто подписывался онъ *необѣдав-
шимъ*. Какой крайности надлежало
принудить гордаго Джонсона при-
знаться въ своей нуждѣ, и припомн
такимъ оскорбительнымъ образомъ?
Говоряшъ даже, что иногда не имѣлъ
онъ и приспанища, и принужденъ
былъ по ночамъ бродить изъ улицъ

(*) Фидоффъ и Лашеражеръ Англійскій.

ъ улицу съ презрительнейшими изъ
людей. — Докторъ Голдсмитъ (*),
которой въ своемъ *Гражданинъ мира*
рассказываетъ разные анекдоны о бѣд-
ности великихъ Писателей, былъ самъ
примѣчанія достойнымъ примѣромъ
бѣдности. По случаю поручи-
тельства за одного своего пріятеля,
му должно было поспѣшно оставить
Эдинбургъ, гдѣ онъ учился Физикъ.
Онъ прошелъ пѣшкомъ большую часть
Европы, пытаясь единственно своею
блейскою. Въ Векфилдскомъ Священ-
нику, романѣ своемъ, описываетъ онъ
свое странствованіе подъ именемъ
Священника сына. Тогда - по сочи-
нилъ онъ планъ и начало прекрасной
Юзмы своей, *Путешественника* (Traveller). Возвращаясь въ Лондонъ, хо-
тилъ онъ отъ одного Аптекаря къ
ругому, требуя мѣста, но никто
не хотелъ принять его. Наконецъ
дни честной человѣкъ, котораго
дивилъ онъ страннымъ своимъ пред-
ложе-

* Славной Англійской Поэты.

ложењемъ, принялъ его къ себѣ въ лавку, изъ сожалѣнія къ простотѣ его. По томъ былъ онъ школьнымъ подмастерьемъ; наконецъ *вступилъ въ службу книгородавцевъ* — и хоща прославясь, получилъ онъ за свое сочиненія въ одинъ годъ болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, однако же жизнь свою кончилъ въ такой же бѣдности, въ какой началъ ее. Столь трудно научишь бережливости того, кто привыкъ надѣяться на случай!

3. Нѣкоторая молодая Госпожа, бывшая въ гостяхъ у одного дворянина въ Ворсеспершире, котораго дочь подозрѣвали онъ въ любви къ известному имъ молодому человѣку, захотѣли узнать, справедливо ли ихъ подозрѣніе, и согласились съ своими пріятельницами, чтобы двѣ изъ нихъ, какъ будто бы по случаю, пришли въ сей домъ въ траурномъ плашъ, и на вопросъ, на чьихъ похоронахъ онъ былъ, отвѣчали, что такой-то молодой человѣкъ — т. е. подозрѣваемой любовникъ, которой на то время былъ

ылъ въ отлучкѣ — скоропостижно
меръ, и что онъ провожали гробъ
и. Точно такъ онъ и сдѣлали, и при
мени молодаго человѣка всѣ обрати-
глаза на дочь资料其的 хозяина; но
примѣтъ въ лицѣ ея никакой перемѣ-
нѣ, почли подозрѣніе свое ложнымъ. За-
киномъ хвалились онъ дѣвушки, и
мая, что она въ своей горницѣ,
шли къ пей; но комната ея была
перта, и, сколько ни спучались,
могли добиться оправдѣша. Наконецъ
ломили дверь, и — нашли дѣвушку
привидѣніемъ; она удавилась подвязкой.
изъ госпожъ, которая выдумала сей
шасшной опытъ, сошла съ ума; а
бовникъ, узнавъ о печальной кончинѣ
своей нѣжной любовницы, проспѣ-
ль себѣ сердце, и въ ту же минуту
умеръ. — Изъ British Mercury Jan.
'91.

НЕВИНОСТЬ.

Веселіе сіяєшъ въ очахъ ея. Она улыбася подобно упру весеннему. На высокомъ челѣ ея изображаетсѧ душевный миръ и спокойствиѣ. Неувидаемыя розы и лиліи цвѣтупшъ на ея ланитахъ. Спавъ ея подобенъ прямому стеблю нѣжнаго нарцисса. Рѣзвы зефиры, віясь вокругъ ея, развѣваюшъ на ней легкую, бѣлую одежду и распущенными власами ея играющы но сдва дерзаютъ они прикасаться къ дѣвственнымъ грудямъ ея, подобныи чистѣйшему снѣгу двухолмистой горѣ въ Гельвеціи (*), къ которому ничто смершное не прикасалося. Увѣнчаная цвѣтами Грацій, шествуешъ она болро по землѣ благословенной; бури и мраки опѣ нее удаляються; ядовитыя змїи не смыюшъ ужалить нога; колючія травы смягчаются подъ ея стопами; Небесная благость изливается предъ нею въ лучахъ солнечныхъ.

Когда

(*) Сід гора называемыи юнгферъ, т. е. девица.

Когда смертные повиновались
ласу благодѣтельной Природы, и
жили въ любви, пишинѣ и мирѣ; то-
да Невинность на землѣ обитала,
гуляла по лугамъ съ паспушками,
играла и пѣла съ ними въ хороводахъ.
Но когда человѣкъ, въ гибельный
часъ заблужденія, восхопѣлъ быть
гудре Природы: тогда Невинность
возвратилась на небеса, въ свое оте-
чество. Съ того времени она уже
редко посѣщаетъ землю, и рѣдко бы-
аетъ видима оку смертнаго; но я
идѣлъ ее — въ образѣ любезной
Аглаи.

К.

ПАРИЖСКИЕ СПЕКТАКЛИ.

Отъ Августа до конца 1790 года.

Королевская Академія Музыки.

Публика никогда не могла требо-
вать отъ сего Театра много новыхъ
шествий, зная, какъ оныхъ, по своей
возможности, трудны и дороги. Къ симъ

д

обык-

обыкновеннымъ причинамъ надобно прибавить худыя нынѣшнія обстоятельства. Спектакль роскоши можетъ быть въ двѣтущемъ состоянїи тогда, когда роскошь во всемъ исчезаетъ, уступая мѣсто спротивѣ экономіи; когда удалились многие изъ богатѣйшихъ жителей нашей столицы, и когда иностранцы, до возстановленія общаго спокойствія, боятся еще къ намъ показаться. Безпорядочное управлѣніе, подъ какимъ находится нынѣ Опера, и недостатокъ въ хорошихъ Актерахъ для нѣкошерыхъ ролей, производятъ еще другое препятствіе, которое, вмѣстѣ съ прочими, причиною того, что мы нѣсколько времени не видали на сценѣ Театръ ни одной новой піесы, достойной вниманія Публики. Съ 1-юня по сѣе время сыграли только одну новую лирическую Комедію, *Divinité du Sauvage ou le Portrait*, которая принадла была весьма посредственно, и которая въ самомъ дѣлѣ не заслуживаетъ большаго вниманія.

Межу тѣмъ справедливость налагаетъ на насъ пріятную должность хваляти великолѣтніе Актеровъ Опера, которыс — не смотря на то, что они сами терпятъ отъ нынѣшихъ обстоятельствъ — нашли средство сдѣлать разныя добрыя дѣла, изъ которыхъ сообщимъ мы знаменитѣйшее.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ Французской Дворъ призвалъ въ Парижъ Господина Пикчини, обѣщавъ ему 6000 ливровъ жалованья, кроме особенной платы за каждое изъ его сочиненій. Онъ оставилъ для сего свое здѣшество, свои дѣла и надежды, и самое семейство свое. Черезъ нѣкоторое время дали ему еще другое жалованье отъ Театра, 3000 ливровъ въ годъ; послѣ чего, будучи увѣренъ въѣрности сего дохода, призвалъ онъ къ себѣ многочисленное свое семейство. Что же вышло? Вдругъ переспающъ ему пластиль жалованье, или, что почти все одно, даютъ ему только 600 ливровъ; и первокласной.

Артистъ, которой въ отечествѣ сю-
емъ могъ бы жить въ изобиліи, вѣ-
дішъ себя доведенаго до ужасной
крайности, для того, что онъ про-
славилъ себя своими дарованіями, и
согласился посвятить ихъ удоволь-
ствію такої націи, которую почи-
тали онъ справедливо и благодар-
ною. Актёры Оперы, сожалѣя о се-
нешчастіи, хопѣли по возможности
своей помочь ему, давъ на счѣпъ его
одно изъ его сочиненій.

Есть ли мы съ удовольствіемъ
воздаемъ хвалу сему великодушномъ
дѣлу, то съ какимъ же прискорбіемъ
должны замѣтить постыдное равно-
душіе Публики къ такому человѣку
какъ Г. Пикчини, нещастному среди
Французской націи, обязанной ему
многими прекрасными сочиненіями
отчасти своею музикальною револю-
ціею? — И новой балетъ Г. М.
рана не могъ привлечь зришелеі
Сборъ за входъ почти ничего не со-
ставилъ, и все вмѣстѣ не принеслъ
сему знаменившему иностранцу ии ос-

ой части того, что ему должна
балація. —

Новой прекрасной балетъ Госпо-
ниа Гарделя, подъ именемъ Psyche,
былъ принятъ Публикою съ великою
хвалою. Надобно видѣть панто-
миму, чтобы судить объ ней; никакое
описаніе для сего недостаточно.
кажемъ только, что сей балетъ и
рельщаетъ зрѣніе и занимаетъ душу
рителя; и что искусство сочини-
теля пантомимъ вмѣстѣ съ искус-
ствомъ машиниста, декоратора и
танцовщиковъ, представляютъ наше
амое прекраснѣйшее зрѣлище.

ТЕАТРЪ НАЦИОНАЛЬНОЙ.

На семъ Театрѣ играютъ новую
гебольшую, но весьма интересную
песу, подъ птицуломъ le Tombeau de
Desilles, гробъ Дисилевъ. Авторъ, Г.
дефоншенъ, хотѣлъ воздать честь
памяти сего юнаго Героя, которои
былъ жертвою своего патріотизма и
человѣколюбія въ замѣшательствѣ,

происшедшемъ въ Нанси, и о комо-
ромъ Франція еще слезы проливаетъ.
Онъ умѣлъ ввести въ планѣ свой рас-
каяніе полку Шатовъйо и особливое
дѣйствіе, весьма краткое, но занима-
тельное, связывающее всѣ части кар-
тины. Мы не можемъ сообщить изъ нее
извлеченія; ее надо бно видѣть.

ТЕАТРЪ ИТАЛІЯНСКОЙ.

Съ пятагонадесятъ Іюня по сю
время дали на семъ Театрѣ пять но-
выхъ піесъ. Первая, подъ штупуломъ
les Rigueurs du Coitru, Монастырскія
жестокости, представляетъ молодую
дѣвушку, тиранкою власпю осуж-
денную посвятившую Небу то сердце,
которое она для мѣра и любви назна-
чала. Открываясь тайная переписка
которую она имѣла съ своимъ любов-
никомъ, и спрашная подземная шем-
ница отворяется принять ее живу-
щъ вѣчной мракъ свой; но вѣ саму-
сю минуту избавляется ее любовникъ
пришедший съ отрядомъ Национально-

Гвар-

Гвардии, которой начальникъ приноситъ опредѣленіе Народнаго Собрания, уничтожающее монастырскіе обѣзы. —

Слогъ сей интересной піесы настураленъ и пріятенъ, а музыка прекрасна. Видно, что Авторъ, Г. Брестонъ, образовалъ свой вкусъ по хорошимъ образцамъ, при чемъ однако жъ умѣеть онъ быть оригинальнымъ. Всего болѣе одобрила Публика хоръ монахинь, и въ ужасъ приводящую музыку той сцены, гдѣ преступница должна быть заключена въ темницу. Сей молодой Авторъ знаетъ, кажется, совершенно, что такое есть драматическая музыка, и не расточаетъ дѣйствій гармоніи для того только, чтобы показывать музыкальную свою ученость. Онъ бережетъ ихъ для тѣхъ сценъ, гдѣ зритель наиболѣе долженъ быть тронутъ. — Г. Фьевѣ есть сочинитель Поемы.

Вторая піеса, подъ типуломъ *Euphrosine ou le Tugan corrigé, Эвфросина или исправленной Жиранѣ*, тре-

буеть подробнѣйшаго разсмотрѣнія.
Содержаніе взято изъ Библіотеки Романовъ, и многіе Авторы почли оное
удобнымъ для Драмы. Вотъ оно: Конрадинъ, побочнай сынъ Графа Провансаго,
есть жестокосердой и гордой Тиранъ. Эльзеаръ, Графъ Сабранской, отправляясь въ крестовой походъ,
уступаетъ ему свою область, съ уговоромъ, чтобы онъ взялъ на себя
попеченіе о дочеряхъ его. Эвфrozина, старшая дочь, думаетъ выйти замужъ за Конрадина, и употребляетъ
всю хитрости кокетства, чтобы привлечь къ себѣ сей дикой характеръ.
Она успѣваетъ въ своемъ предпріятіи,
и гордой Конрадинъ падаетъ къ ногамъ ея. По томъ онъ ѿдѣстъ на войну.
Въ сїе время одна Графиня, залюбившая
щастію Эвфrozины, рѣшился
погубить ее. Пользуясь легкостью ха-
рактера ея и снисхожденіемъ, съ какимъ обходилась она съ однимъ моло-
дымъ Конрадиновымъ пленникомъ, сія
Мегера увѣряетъ Тирана, что су-
пруга его невѣрила ему. Въ бѣшеніи

елишъ онъ своему лекарю дашь Эвфрозинѣ медленной ядъ, кошорой бы прекратилъ ея жизнь не прежде его возвращенія. Но добродушной лекарь даєтъ ей простое, совсѣмъ не ядовитое питье, требуя отъ нее только того, чтобы она притворялась страдающею. Конрадинъ возвращается еще съ сильнѣйшою любовью къ своей супругѣ, увѣряется въ своемъ заблуденіи и терзается совѣстю. Чтобы спасти жизнь Эвфроziны, прибегаетъ къ одному благочестивому пустыннику, не давно поселившемуся въ окрестностяхъ. Сей пустынникъ есть самъ Эльзеаръ, отецъ Эвфроziны. Пусть представятъ себѣ его положеніе, когда Конрадинъ признается ему, что онъ отправилъ ядомъ дочь его! Однако жь скоро узнаешьъ онъ невинной обманѣ, и посредствомъ чуда, которое легко было выдумашь, возвращается Конрадину супруга его.

Г. Гофманъ, Авторъ пїесы, хотѣлъ представить наизъ и хитрости, кошорыя употребляла Эвфроzина для

покоренія гордаго Конрадина, и ревнность, усиливающуюся въ сердцѣ его, и прогащельное положеніе владѣшельнаго Князя, копорой идешъ въ пустынники, и копорой возвращающійся въ свою область только за шѣмъ, чтобы видѣть дочь свою погибающую отъ бѣшенства того, кому онъ поручилъ ее. Въ семъ состояніи, можетъ бытъ, единственная его ошибка; ибо такое содержаніе слишкомъ проспранно и разнообразно для одной пїесы. Веселое начало не могло приготовить зрителя къ ужаснойвязкѣ, и по тому не производишъ она почти никакого дѣйствія. Наконецъ Авторъ и принужденъ былъ переправить пїесу, и изъ пяти большихъ актовъ сдѣлать только три. Надобно прочесть въ Библіотекѣ романъ Конрадина, разсказаний съ довольною пріятностю, но связанный безъ всякихъ искусствъ, чтобы судить, сколько умѣніемъ Г. Гофманъ онымъ воспользовался. Характеры Конрадинъ и Графини изображены весьма живо.

Сцены, въ которыхъ Эвфроzина торжествуетъ надъ Тираномъ, наполнены остроумiemъ и шокоспю; только мы привѣчаемъ въ оныхъ икошорое сходство со сценами Рокселаны въ *Трехъ Султанахъ*. Слогъ пѣсы вообще весьма хорошъ; и еспѣли бы планъ ея сдѣланъ былъ вдругъ, то она была бы одною изъ самыхъ лучшихъ піесъ въ семъ родѣ.

Музыка есть еще первое сочинение Господина Мегюля, и доказываетъ, что Сочинитель имѣетъ великія способности. Онъ совершенно вошелъ въ разныя положенія пѣсы, и умѣлъ въ музыкѣ выразить характеръ оныхъ. Только въ цей вообще слишкомъ много тщательности, кошорая бываетъ упоминаяна для вниманія, и которая обыкновенно показываетъ молодаго сочинителя, хопящаго обнаружить всѣ свои зданія въ гармоніи. Публикѣ наиболѣе понравилось дуо, весьма живо выражавшее чувства ревности. Впрочемъ во всей музыкѣ много жару и силы.

Тре-

Третія новая пїеса , подъ пипу-
ломъ Ververt , не споитъ вниманія .
Четвертая , le Nouveau d' Assas , есть
ничто иное , какъ картина безсмер-
наго дѣла храбраго Десиля . Интэрес-
ность содержанія и зрелище , которое
въ оной представляется , были при-
чиною того , что Публика принял-
сію пїесу съ рукоплесканіемъ . Автору ,
Господину Б . . . обязанъ сей театъ
многими весьма хорошими пїесами . Му-
зыку сочинялъ Г . Бретонъ . — По-
слѣдняя пїеса есть Adèle & Didier . Въ
ней представляется великодушное
дѣйствіе нѣкоторыхъ поселянъ , ко-
торые раздѣляютъ богатое наслѣ-
дство съ однимъ бѣднымъ человѣкомъ ,
не могшимъ требовать онаго по за-
конамъ . Сіе дѣйствіе , соединенное съ
легкою интригою , понравилось Пу-
блику ; но есть въ Драмѣ такіе
подробности , которые ни по че-
му не могутъ быть интересны дѣ-
зрителей .

Не смотря на то , что нынѣши-
времена весьма неблагопріятны дѣ-
Te

Театровъ, Актеры Италіянской Комедіи всячески спараются привести въ совершенство всѣ части спектакля. Публика, кажеся, чувствуетъ ихъ ревность, и всегдашнее множество зрителей, собирающеся въ семъ Театръ, служитъ имъ справедливою наградою за ихъ спаранія.

*Окончаніе сей статьи сообщено будетъ
въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.)*

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

*Аптекарь и Докторъ, Комитетъ
Опера въ трехъ дѣйствіяхъ;
переведена съ Нѣмецкаго. — Извлѣ-
ченіе изъ сей Оперы не можетъ быть
интересно для Читателя. Довольно,
что Публика приняла ее хорошо, и съ
особливымъ вниманіемъ слушала музыку,
сочиненную Господиномъ Дишперсомъ
фонъ Дишперсдорфомъ, и достой-
ную похвалы знающихъ людей. Въ пѣ-
сѣ довольно смѣшнаго; но если и
шакля*

такія шушки, которыя одинъ раск
смѣяпъся заставляли. — Чпо касает
ся до перевода, то онъ, кажется
довольно хорошъ. Я говорю о прозѣ
а какъ Г. Переводчикъ долженъ былъ
для музыки удерживатъ въ переводе
пѣсенъ мѣру оригинала, то, зна
трудность такихъ переложеній, мо
жемъ просить ему нѣкоторыя не
гладкости и нечиспощы въ стихахъ.

О К Н И Г АХЪ

І.

Театръ трезвыйтайныхъ проишествий истекающаго вѣка, открытъ и представленъ отъ мѣста съ слѣдующими созерцаніяхъ: Проказы Іезуитовъ и Францисканскихъ монахинь, страшное приключение одного Маркиза при цѣлованіи Напскаго туфля, ужасная контина одного Англичанина и гибельная участь дочери Французскаго купца, вѣсть Священника, невинно повѣшенныи, бродяще мнимое привидѣніе похамѣ, посрамленіе легкоеѣ рѣ тѣхъ, униженная гордыня Гишпанца и Руси, развратъ учителя Француза, мѣды коварства, храбрость Росса, посрамленіе невѣжды, и прот. — Въ градѣ С. Петра 1790 года.

Правда, одинъ уже титулъ можетъ сообщить достающее понятіе доспомѣстѣ книги; но для забавы нашихъ Читателей выпишемъ изъ нее скоторые мѣста.

Вопль

Вотъ разсужденіе о бѣдности чло-
вѣческой , или Богъ знаетъ что:

„ Тѣнь знанія зыблется въ умѣ
„ его (человѣка) аки сонъ. Преклон-
„ ность на многая при созерцаніи окру-
„ жающихъ предметовъ со свѣтильни-
„ комъ ума блудитъ аки слѣпецъ. Об-
„ ращаясь въ Театрѣ свѣта , пока жизн-
„ иенность въ себѣ ощущаетъ , пре-
„ шыкается аки во мракѣ. Извлека-
„ умозаключенія , недоумѣваетъ аж-
„ разстроенной чрезвычайною нечаян-
„ ностью. Поборяя многія вспрѣчи-
„ теряетъ силы воображенія , аки по-
„ пранный львомъ. Не рѣдко самая ма-
„ лость , вспрѣчающаяся глазамъ его
„ разстроиваетъ пружины ума и по-
„ ражаетъ аки молніеносный ударъ.
„ Даже мановеніе иногда обуреває.
„ мерцающее умодѣйствіе , аки ревущій
„ вихрь слабую былинку. Что жъ прѣ-
„ сихъ преткновеніяхъ является ? ”

Пусть Чипашель самъ себѣ от-
вѣчаетъ , что является *при си-
преткновеніяхъ* ; а мы сообщимъ ей

между шестью пятью любовное письмо.
Вот оно:

„Жизнь жизни моей! Немилосердное несчастье, терзающее ваше сердце, поразило до глубины мое. Быть объятъ состраданиемъ, приходилъ я не однократно въ безуміе. Но любовь, сей божественный огнь, коимъ всѣ и все пламенѣютъ, возглашо мнъ свѣтильникъ свѣта. Для чего же? Чтобы извлечи тебя, одражайшая моя! изъ нѣдръ гибели. Внемли: я хочу вмѣстѣ съ тобою даже до гроба пребывать. Имѣя волю, избирай любое: или погреши себѣ въ ономъ гробѣ жизненности и скройся во мрачность, перзапь сѣющую сердце, или спѣши непремѣнно завтрашняго же дна, ночью во объятія обожающаго тебя. Я буду ожидать у стѣны сада близъ обвѣшалой башни. Любовь научитъ содрашься на высоту и опуститься внизъ по спущенной мною лѣсницѣ. Проспи дерзости вѣрнѣйшаго швоего жениха Рафина. —

Теперь Читашель знаетъ, какъ
Авторъ разсуждаешьъ и пишешьъ
бовныя письма, но не знаетъ еще
какъ онъ разсказываетъ; и такъ про-
симъ его прочесть слѣдующія строки:

„Начало самаго дѣйствія созер-
цаемо было въ Пруссіи въ Меклен-
бургскомъ округѣ. При первествѣ
„среди сладострастій, среди упѣхѣй
„среди блесковъ пышности, средь
„окураженной многими напишками ком-
паний, се внезапно предсталъ предъ
„начальника Мекленбургскаго гарнизон-
а, на совсѣмъ никому неизвѣстной благо-
образнѣйшій юноша..”

Сего довольно. Самъ Рецензентъ
не прочелъ и пяти страницъ сей кни-
ги, копорая — не смотря на множества
каррикатурныхъ книгъ, выходящихъ
на языкѣ нашемъ — есть рѣдкое яв-
леніе. Она должна быть вмѣстѣ и съ
чиненіемъ и переводомъ Типулъ и Хра-
ростъ Росса спекли конечно съ рус-
скаго пера.

Сей *Teatrъ* напечатанъ на белой
бумагѣ, чешкими липерами, и при-
слѣдуетъ

спанные въ Москву экземпляры почти
въ одинъ день были проданы. Вѣ-
роятно, что всякой хощѣль имѣть
его какъ рѣдкость испекающаго вѣка,
— не ошибся. Что касається до
типографической исправности, то о
ней можно судить по словамъ лабе-
ринѣдъ, попѣраніе, подлѣнио. Учись
пеперь уму и орѳографїи изъ печаш-
ыхъ книгъ!

За симъ вздохнемъ и положимъ
перо.

II.

Краткая Исторія Королевской
Шведской фамилии, именуемой Гу-
ставовъ, начинаящаяся отъ Коро-
ля Густава первого (и продолжа-
ющаяся) до нынѣ царствующаго Ко-
роля Густава III. — Переведена
съ Шведскаго, съ присовокупленіемъ
нѣкоторыхъ примѣтаній. Въ Москвѣ
у Ф. Гиппіуса 1790 года.

Сія краткая Исторія слишкомъ
кратка. Кто желаетъ знать, когда
и прим. родилась Королева Христи-

на, когда она была коронована, когда поехала и прѣхала въ Римъ, и про чеєшому подобное, тошь, заглянувъ въ сю книжку, состоящую изъ 6 страницъ въ двѣнадцатую долю листа, прѣобрѣтѣ сіе важное познаніе; но не узнаетъ онъ тушь, никакова была Христина, ни что она дѣлала въ жизни своей. Кто хочетъ знать, узнаетъ изъ сей книжки, и комораго числа было какое сраженіе. Г. Переводчикъ замѣчаешьъ, что Шведъ проигранное называетъ выиграннымъ, и означаетъ число убитыхъ. — Что касается до переводъ для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ; а Рускому, казалось бы, не льзя было написать: „У Пете рберга раззорены были Банеромъ Саксонскихъ полковъ,, или: „Крѣпостная стояла Императору столъ тысячъ людей,, или: „На Нѣмецкому колокольнѣ утѣреждены были кур ты. ,

О ИНОСТРАННЫХ КНИГАХЪ.

Lebensgeschichte und natürliche Abentheuer
eines armen Mannes von Lochen-burg.
Herausgegeben von Füßl. Зицб. 1789.
То есть: Жизнь и похождения бѣд-
наго теловѣка изъ Токкенбурга (*).

Сія книга конечно интереснѣе
всѣхъ вновь вышедшихъ романовъ. По
райней мѣрѣ Рецензентъ не могъ
разстаться съ нею, не дочитавъ ее до
конца: споль привлекательны были
все сцены изъ неукрашенной
лапуры и хозяйственной жизни, изо-
раженные съ прелестною простотою,
испиннымъ остроуміемъ, съ
оригинальною замысловатоспію, съ
изящельною испиною, и равно зани-
мательныя для разума и сердца! Есть
примѣчанія, есть взоры во внутрен-
ность сердца человѣческаго, которыхъ
не постыдился никакой Монтанъ,
никакой сердценаблюдатель по про-
фессии; и за всѣмъ тѣмъ Герой сей
спорѣи есть простой поселянинъ,
которой, будучи удаленъ отъ всѣхъ
Е 3 средствъ

(*) Изъ а. д. Bibliothek въ штормъ второй части.

средствъ просвѣщенія, единственнаго
самъ собою дошелъ до иѣкопорога.
(Рецензентъ могъ бы сказать: до вы-
сокой) степени онаго. Въ день зани-
мается онъ дѣлами своего званія, въ
часть ночи, часто и большую полови-
ну ея, проводишъ въ чтеніи книгъ
какія попадаються ему по случаю, иль
какія можетъ досташь отъ своихъ
пріятелей; иногда же, проспымъ язы-
комъ сердца, записываетъ свои при-
мѣчанія на самого себя и на другихъ.
И такимъ образомъ составилась ег-
исторія вмѣстѣ съ другими пѣсами
которая обѣщаетъ "намъ впредъ со-
общить Г. Фіесли, извѣстной Цирих-
ской Ученой, издатель сей книги. Онъ
раздѣлена на 87 главъ; а какъ не мо-
жемъ мы пройти всего, то возьмемъ
только что нибудь для примѣра. Отецъ
нашего Б* (скромной Токкенбургъ
не хочетъ сказывать намъ всего ихъ
ни своего) былъ бѣдной человѣкъ
которой всю жизнь свою провелъ
заботахъ о пропитаніи. Старшій
сынъ его, нашъ Б*, родился въ 17

году. „Мнѣ сказывали, что я не много раненько на сей свѣтъ явился. За это надобно было отвѣчать моимъ родителямъ. Впрочемъ могло быть, что я еще и въ брюхѣ матери моей спремился къ дневному свѣту — и сіе спремлѣніе ко свѣту по нынѣ никогда меня не покидаетъ. Живымъ описаніемъ приключений дѣлства своего заставляетъ онъ читателя вспомнить, что съ нимъ самимъ бывало въ сихъ лѣтахъ. Сколько бы надлежало Рецензенту списывать, если бы захотѣлъ онъ сообщить все тѣ мѣста, которыя его избѣняли, и о пѣ которыхъ онъ насилии отшпашь, чиня ихъ по три и по четыре раза! Вышедши изъ ребяшъ, онъ долженъ былъ настѣнѣ спадо. Въ описаніяхъ удовольствій и трудовъ наступившій жизни найдетъ читатель прерогативы и между прочимъ живописныя черти, показывающія способность къ дескриптивной или описательной Поэзіи. Тутъ изображаетъ онъ первое пробужденіе

страсти и смятение души своей.
 Вѣроятно, что въ жизни всякаго
 сколько нибудь разсуждающаго чело-
 вѣка, бываетъ такое время, время,
 въ которое самыя невинныя склонно-
 сти наши кажутся намъ ужасными
 грѣхомъ; въ которое занимаемся мы
 строгими планами для будущей луч-
 шей жизни, и теряемъ между тѣмъ
 всю сердечную веселость. „Я молился,
 „говоритъ Б., ломалъ руки, смотрѣлъ
 „на небо, и слезы кашались по лицу
 „моему. Иногда я опять спавился
 „весель, пѣлъ и прыгалъ по горамъ
 „какъ рѣзвая, безпечная серна. Тогда
 „думалъ я: Не уже ли мнѣ должно все
 „оставить, все бросить, даже до самыхъ
 „деревянныхъ коровъ, мню самимъ вы-
 „рѣзанныхъ? Не уже ли въ самомъ дѣлѣ
 „требуетъ того Господь Богъ? Не ужъ
 „ли это необходимо для спасенія душъ
 „моей? „ Но здѣсь - то наступаетъ
 обыкновенно и то время, въ которо
 пробуждается разумъ, въ которо
 возстаютъ сомнѣнія, и юношеско
 спремилпельной духъ заходитъ слиш-
 комъ

юмъ далеко, и какъ пещину тягостъ бросаетъ потъ жезлъ, кото-
рой бы въ послѣдствіи жизни могъ
предохранить его отъ многихъ пре-
шкодъ, если бы прежде надлежа-
щимъ образомъ изъяснили ему всю
пользу его. Но обратимся къ наше-
му Б*. Изъ свободнаго пастуха сталь-
онъ рабомъ отца своего, а по томъ
поденщикомъ. Первая любовь — мно-
гие ли изъ нашахъ Нѣмецкихъ сочини-
телей романовъ могли бы описать ее
такими испинными и живыми краска-
ми? Б* попадается въ руки одного
плута, которой, обольстивъ его
пышными обѣщаніями, выдастъ его
Прусскому наборщику въ Шафгаузенъ.
Сначала ему хорошо. Офицеръ бе-
рестъ его себѣ въ слуги, и они ве-
дутъ самую веселую жизнь. Но го-
сподина отзываютъ назадъ; и какъ
скоро слуга прѣзжаетъ въ Берлинъ,
то, пропивъ всякаго чаянія и къ ве-
ликой досадѣ его, даютъ ему въ руки
ружье. Весьма забавно описаніе Бер-
лина, жителей и обычаями его; на

все смотрѣлъ онъ съ особливой спо-
роны. Солдатская жизнь, ученье и
нужда ему крайне не полюбились. Ме-
жду тѣмъ открылась семилѣтняя вой-
на; войска пошли въ поле, и Б* шу-
да же, только съ твердымъ намѣре-
ниемъ уйти при первомъ случаѣ. Сей
случай и нашелся при Ловозицѣ. Со-
всѣмъ по своему описываетъ онъ сие
сраженіе, и описание его столь же
примѣчанія достойно для человѣка и
Философа, сколь описание великаго
Фридриха достойно примѣчанія для
Офицера и Испорика. Тутъ изо всей
силы пустился онъ домой, боясь огля-
нувшись назадъ. Дома нашелъ онъ все по-
прежнему; правда, любовница измѣни-
ла ему, однако жъ онъ скоро забылъ
сіе горе. Онъ вошелъ въ небольшой
шоргъ, и женился. Не можемъ мы за-
недоспашкомъ мѣста говорить ше-
перь о слѣдующихъ, добрыхъ и ху-
дыхъ приключеніяхъ его жизни, о ха-
рактерѣ жены и дѣтей его, о чув-
ствахъ его и мысляхъ, о первомъ во-
входѣ къ авторству, и проч. Теперь

живетъ онъ съ женою и съ четырьмя дѣтьми въ щасливой посредственности, имѣетъ немногого и немногимъ доволенъ, здоровъ и веселъ, будучи окруженъ красотами Натурь, и проводящъ свое время въ трудахъ, въ шеши, посреди семейства или друзей своихъ. Семдесатъ девятое опубликованіе есть самое интереснѣйшее. Его *признанія* писаны совсѣмъ не пакимъ тономъ, какъ *признанія* славнаго Женевца (*). Но чей тонъ испиннѣе, поучительнѣе, пристойнѣе? Мы не хотимъ рѣшить, а приведемъ только одно мѣсто, которое содержитъ самую оригиналную похвалу женѣ его.

„ Точно шакая половина, говоришь „ нашъ Б*, а не иная какая могла об- „ уздашь склонность мою къ излише- „ спвамъ всякаго рода. Точно шакой „ женщинѣ надлежало въ напурѣ по- „ казать мнѣ, какъ смѣшно и дурно „ давашь волю движеніямъ досады и „ сердца, подобно какъ Лакедемонскіе „ рабы примѣромъ показывали дѣламъ „ го-

(*) Ж. Ж. Руссо.

„ господъ своихъ гнусность пьянства;
„ и такимъ образомъ надлежало у ме-
„ на одному нечистому духу выгнать
„ другова. Точно такои воплощенной
„ скучности должно было сойтись съ
„ мою щедростию и небережливостю,
„ мнъ на пользу, а ей въ наказаніе.
„ Точно такому строгому морально-
„ му крипуку надлежало примѣчать
„ всѣ шаги мои, и ежедневно бранишь-
„ ся со мною, чтобы заспавить ме-
„ на быть осторожнымъ; и точно
„ такими черными красками надлежало
„ описывать мнъ мои слабости, ко-
„ торыя безъ того почталь бы я,
„ еспѣли не бѣлыми, то по крайней
„ мѣрѣ только сѣроватыми. Мнъ ну-
„ женъ быль точно такои лекарь,
„ которои бы не только открывалъ
„ всѣ болѣзни мои, но еще и увели-
„ чивалъ ихъ, и давалъ мнъ самыя
„ горькія пилюли. Это научило меня
„ прибегать къ тому врачу, которои
„ помогаетъ надолго. — Наконецъ же-
„ нѣ моей надлежало быть точно та-
„ кой богомолкѣ, которая среди самой

„ мо-

„ молитвы могла бы браниться ужасъ, съѣйшимъ образомъ, чтобы научить „ менѧ молитвася, и отнять у менѧ „ всю склонность къ существству. —

„ Какъ сказано, въ ней очень много „ такихъ добрыхъ свойствъ, какихъ я „ не имѣю. Она такъ тверда въ своихъ правилахъ — или предразсужденіяхъ, еспѣли угодно — что никакой D. J. никакой Лафаперъ, никакой Циммерманъ не можешь заставить ее „ думать иначе. Напротивъ того я такъ „ слабъ, что мысли мои всегда колеблются какъ осиновой листъ. Ея понятія — еспѣли только можно ихъ „ такъ назвать — о Богѣ, о мірѣ и „ о всѣхъ вещахъ въ мірѣ, кажущаяся „ ей всегда лучшими и неопровергаемыми. Ни добромъ, ни зломъ, ни какимъ мученіемъ не принудишь ее „ пересмотрѣть ихъ. Напротивъ того „ я всегда сомнѣваюсь, справедливы ли „ мои понятія. Въ любви и вѣрности „ своей ко мнѣ она также гораздо меняетъ на лучше. Временнымъ и вѣчнымъ „ благомъ.

„ благомъ моимъ занимается она такъ
„ же , какъ своимъ ; она за волосы
„ притащила бы меня на небо , или
„ пригнала бы туда палкою , опчастив
„ и впервыхъ для собственного мо-
„ его блага , а по шемъ и для того ,
„ чтобы имѣть удовольствие быть мо-
„ ю благодѣтельницею , и чтобы —
„ вѣчно бранишь мезя . Но оспавимъ
„ шупки . Искренняя молитва ея къ
„ Богу конечно такова : Господи ! дай
„ намъ съ мужемъ сойтись на небеси ,
„ чтобы вѣчно быть другъ съ другомъ
„ вмѣстѣ ! Напротивъ того я вѣ-
„ иной дурной часъ можешь быть такъ
„ молился : Милосердой Отецъ ! вѣдо-
„ му твоемъ многи обищели супъ :
„ такъ у Тебя есть вѣро и для ме-
„ на пихонькой уголокъ . Дай и женѣ
„ моей хорошенькой , только пода-
„ лѣе отъ меня . — Повторю еще ,
„ что жена моя гораздо лучше меня ,
„ и хочетъ всегда дѣлать добро , хо-
„ тя добро ея иной и худомъ назо-
„ вемъ . Такъ на прим. не лѣзя было
„ разувѣритъ ее , чтобы ей не должно
быть

было по совѣти своей кричать мнѣ
по ночамъ въ уши, что она — мо-
лился, и что я могъ бы вмѣстѣ съ нею
молиться. И хоть спо разъ говори-
съ, что въ крикѣ нѣшь никакого
добра, она все кричала. И въ этомъ,
кажется, виновата излишняя нѣж-
ность слуха моего. Однимъ словомъ,
всегда и вездѣ долженъ я говоритьъ
и признаваться, что *жена моя го-*
раздо меня лучше.,, Теперь суди
чипатель Женевца съ Токкенбургомъ;
и кто *Homo sum, humani nihil* и
проч. не только что языкомъ гово-
ришъ, а чувствуетъ и въ сердцѣ,
попъ возьми книгу, и прочти ее изъ
конца въ конецъ!

С Т И Х И

Его Сиятельству Графу Александру
Васильевичу Суворову-Рымникскому
и прот. и прот. на взятие Измаила (*)

Внезапной вѣспїю мой разумъ восхи-
щенъ

Узнавъ, что Измайлъ Тобою покоренъ
Герой, украшенный лавровыми вѣнцами
Тремящий въ мѣрѣ семъ предивными
дѣлами

Отечества краса, Россіи слава, честь
Суворовъ! я Тебѣ дерзаю даръ при-
нести

Прими его: въ немъ нѣтъ пришвр-
спва, ни искусства

Но узриши въ сихъ словахъ мои сердеч-
ны чузвства

я Россъ, и почиташь привыкъ Теби-
душой

то какъ могу теперь воспогръ сокрытъ
я мой
Кп

(*) Издатель полу чилъ сіи стихи тогда, ког-
уже послѣдній листъ Апрѣля мѣсяца бы-
въ коррекшурѣ. — Онъ благодаритъ Особ-
благоволившую ему сообщиши онѣ. — К.

Кто сынъ опечесива, его кто прямо
любитъ,
Кто можетъ, томъ вездѣ дѣла Твои
вострубитъ.
И Христіянинъ Ты, и воинъ, и муче-
дрецъ;
Любимъ отъ воинства, любимъ отъ
всѣхъ сердецъ;
Ты спрашень на войнѣ, пропивниковъ
караешь,
въ мирѣ Ты сердца доброй по-
бѣждаешь;
Въ войнѣ оружіемъ блістаешь и мечемъ,
а въ мирѣ кропотью своей любезенъ
всѣмъ.
И подвигами Ты вовѣкъ себя прославилъ,
И добродѣлѣми олшарь въ сердцахъ
поставилъ.
Когда Россія вся днесъ въ радости Тобой,
Могу ль Тебя хвалишь я лирою младой?
Все, что Тебѣ скажу, Твоей то славѣ
мало;
Но то писалъ къ Тебѣ, что сердце
мнѣ вѣщало.
Къ Тебѣ любовію, почтеніемъ дышу;
Чего же чувствую, того не можишу.

Желаніе мое давно уже спрешилось,
Чтобъ у Тебя служить отечеству
учипись
Хоть пропивъ Гопеовъ я поспавленъ
былъ судьбой
Служить и умереть всегда желалъ съ
Тобой
Съ великодушiemъ проспи юладой Ти
лиръ
Дерзнувшей пѣть Тебя, прославленаго
въ мірѣ
Будь щастливъ Ты вовѣкъ, карай, разъ
враговъ
Вкушай плоды своихъ геройскихъ Ты
шрудовъ
Да оградитъ Тебя Всевышняго десница
Да Твой блистаетъ вѣкъ какъ красна
деница
Ты мужествомъ горишь, въ душѣ и въ
мысляхъ Богъ
То можно лъ, чтобъ когда нещастливъ
быть Ты могъ
Хранишъ Тебя Творецъ, источникъ
жизни, свѣты
Избавитъ Онъ Тебя отъ злобнаго вѣш
Е

Его щедротою Ты будешь огражденъ,
и будешь отъ Него во вѣкъ благо-
словенъ!

Павелъ Г. Кутузовъ.

СТИХИ

На отъездъ Его Слѣтальства Графа
Александра Васильевича Суворова-
Рымникского изъ Москвы въ Санкт-
Петербургъ 1791 года, Февраль
26 дня.

Герой Герою въ слѣдъ спѣши къ бре-
гамъ Невы;

Цвѣты пестрѣюшь шамъ, закрыли че-
люстри львы.

Предстаньше съ лаврами Герои къ Ге-
роинѣ,

Къ Законодавицѣ и крошкой сей Богинѣ,
Котора доблесть въ Васъ щедротой
оживимъ,

И духъ неупомимъ ко брани сопворимъ.

Суворовъ! дѣлъ Твоихъ воспѣшь я не
намѣренъ;

О славныхъ качествахъ и Россѣ и Туркѣ
увѣренъ;

Топъ раной , лавромъ топъ громчай ,
какъ чрезъ языкъ ,
Гласамъ въ концы земли , колико Ты
великъ ,
Напрасно возносить Суворова на лиръ ,
Геройствомъ , мужествомъ , Ты честъ ,
славенъ въ мірѣ ,
Отечество , законъ съ лѣпъ юныхъ ,
возвлюбя ,
Имъ жизнью жертвовалъ , и превознесъ ,
себя .
Се божества Твои ! Они пути казали ,
И благородный духъ они въ Тебѣ вспа-
ляли .
Ты къ чести прильпаясъ , грядеши не-
скользя .
Коль градъ Ты не возмешь , его ужъ
взять не лъзя .
Но что еще реци ? На что Піишъ ,
искусство ,
Гдѣ ясно говорить сердецъ всѣхъ гра-
жданъ чувишво ,
Которые къ Тебѣ усердіемъ горяшъ ,
И въ искреннихъ душахъ желанія тво-
ришъ .

„Ахъ! еспъли бѣ мы Его на стоги
гдѣ вспрѣпали
И передъ Нимъ цвѣты усердія мешали:
Довольны были бѣ мы, щаспливъ нашъ
былъ бы вѣкъ.
Герой Онъ, въ вѣрѣ твердъ, Онъ че-
спный человѣкъ;
Врагамъ ужасенъ Онъ — они лютъ
токъ слезенъ —
Но громы низложа, въ отечествѣ лю-
безнъ.,
Какъ сонмы шумныхъ водъ текутъ сіи
слова,
И оными теперъ наполнена Москва.
Всякъ жаждетъ видѣти миде того Ге-
роя.
Кѣмъ Измаилъ упалъ и шмы Ту-
рецка спрол.
Но чѣпо узряшъ они? Миролюбивый
взглядъ,
Успа гласящи честь и шму сердцамъ
отрадъ.
Гряди со торжествомъ, Герой, къ спѣ-
намъ Петровымъ!
Благоволеніемъ украсясь памо новымъ,

Суворовъ, нанеси глубокихъ Туркамъ
ранъ
Потемкинъ гдѣ и Ты, трясишь Стамбъ
буль, Султанъ
Д. Жвостовъ

Имена Особъ, благоволившихъ
подписатьсь на Московской
Журналъ въ Февралѣ и
въ Мартѣ мѣсяцахъ,

въ Москвѣ.

Ея Сиятельство Княгиня Наталия Пе-
шкова Куракина.

Его Благородіе Степанъ Ивановичъ
Чурсаевъ.

— Высокоблагородіе Федоръ Ильичъ
Козляшевъ.

— Высокородіе Иванъ Петровичъ Тур-
геневъ.

— Высокоблагородіе Иванъ Яковле-
вичъ Евреиновъ.

— Благородіе Василій Степановичъ
Кражевъ.

Его Высокоблагородие Алексей Алексеевич Ремпель.

Ея Сиятельство Княгиня Мавра Алексеевна Голицына.

Василий Иванович Снятиловский.

Его Высокородие Михайло Николаевич Соковнинъ.

— Высокоблагородие Иванъ Захаровичъ Голиковъ.

— Благородие Андрей Андреевичъ Терентьевъ.

Михайло Егоровичъ Медоксъ.

Николай Даниловичъ Сахаровъ.

Его Сиятельство Князь Пешръ Николаевичъ Трубецкой.

— Благородие Алексей Ивановичъ Куницкой.

— Сиятельство Князь Николай Сергеевичъ Волконской.

— Высокоблагородие Фортунатъ Александровичъ Беклемишевъ.

— — Иванъ Александровичъ Голубцовъ.

— — Александръ Семеновичъ Бахмешевъ.

Его Высокоблагородие Адамъ Ивановичъ
Челищевъ.

— — Дмитрий Платоновичъ Чеку-
новъ.

— — Григорий Максимовичъ Похо-
дяшинъ.

Неизвѣстная Особа.

Его Высокоблагородие Федоръ Оси-
евичъ Туманской.

— Благородие Дмитрий Павловичъ
Руничъ.

Яковъ Леонтьевичъ Туринъ.

Его Высокоблагородие Аѳанасій Федо-
ровичъ Соймоновъ.

Московской купецъ Иванъ Тимоѳеевичъ
Бирманъ.

Его Высокоблагородие Алексей Ивано-
вичъ Масловъ.

Въ другихъ городахъ.

Въ С. Петербургѣ Его Сіятельство
Графъ Александръ Романовичъ Во-
ронцовъ.

Его Сіятельство Князь Петръ Ники-
тичъ Трубецкой.

Его Высокородие Дмитрий Прокофьев-
ичъ Трощинской.

Въ С. Петербургѣ Его Высокоблагородіе Александръ Иванович Дми-
тріевъ.

Его Благородіе Иванъ Петровичъ Бекетовъ.

Въ Царицынѣ Его Благородіе Аполлонъ Николаевичъ Бекетовъ.

Въ Могилевѣ Его Высокоблагородіе Самсонъ . . . Цвѣтковской.

Въ Корчевѣ Его Высокородіе Дмитрій Машвѣевичъ Олсуфьевъ.

Въ Балашихѣ Его Сиятельство Князь Василій Васильевичъ Енгалычевъ.

Въ Кашире Его Высокоблагородіе Иванъ Максимовичъ Грековъ.

Въ Кіевѣ Его Благородіе Тимоѳей . . . Трофимовичъ.

Въ Саратовѣ Его Высокоблагородіе Александръ Машвѣевичъ Кожевниковъ.

Въ Богородскѣ Его Высокоблагородіе Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ.

Въ Карабашѣ Его Высокоблагородіе Алексѣи Захарьевичъ Апухшинъ.

- Въ Черниговѣ** Его Превосходительство Андрей Яковлевич Леванидовъ.
- Въ Симбирскѣ** Его Высокородіе Иванъ Андреевич Порошинъ.
- Въ Казани** Его Благородіе Александръ Логиновичъ Лихачевъ.
- Въ Кизляре** Его Высокоблагородіе Андреи Карловичъ Сизингъ.
- Въ Уфѣ** Его Благородіе Николай Васильевичъ Демидовъ.
- Въ Ялуторовскѣ** Его Благородіе Андрей - - - Блохинъ.
- Въ Острогожскѣ** Его Высокоблагородіе Александръ Петровичъ Дебрини.
- Въ Воронежѣ** Его Высокоблагородіе Александръ Петровичъ Типовъ.
- Въ Суджѣ** Его Высокоблагородіе Степанъ Аѳанасьевичъ Домашневъ.
- Въ Борисоглѣбскѣ** Его Высокородій Аѳанасій Григорьевичъ Пановъ.
- Въ Вологдѣ** Его Благородіе Андреянъ - - - Ливирѣвский.

СОДЕРЖАНИЕ.

Ода къ Эвтерпѣ	-	-	3
Надежда и Спрахъ	-	-	6
Мишенъкъ	-	-	8
Надпись къ спапуѣ Юпитера	-	11	
Письма Руск. Пушечеславника	-	-	—
Марія	-	-	51
Смѣсь	-	-	56
Парижскіе спекакли	-	-	65
Московской Театръ	-	-	77
О книгахъ	-	-	79
О иностранныхъ книгахъ	-	-	85
Спихи на взяще Измаила	-	-	96
Спихи Его Сиятельству Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на отъездъ изъ Москвы	99		

